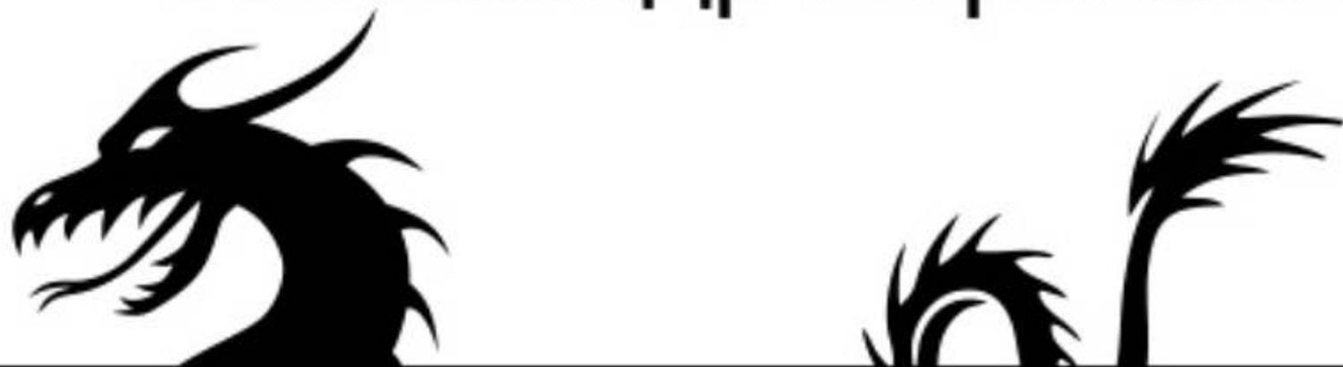

Александр Воропаев

НОВЫЕ ЛЮДИ

Том первый

Сага о Восточном Пределе

Александр Воропаев

Новые люди. Том 1

«Автор»

2026

Воропаев А.

Новые люди. Том 1 / А. Воропаев — «Автор», 2026

Что, если мир устроен не так, как мы это себе представляем? Может быть, волшебный мир, населенный легендарными существами, не выдумка и некогда составлял с нашим миром единое целое? Наступит день, и они вновь воссоединятся. Небольшой немецкий городок просыпается в изменившемся мире. Стажер полиции Анна Нойманн едет на работу на своем мотороллере и чудом избегает смерти, когда на нее нападают злобные орки. Нашим современникам предстоит выжить и приспособиться, чтобы найти свое место в землях Восточного Предела. Воссоединение миров нарушило хрупкое равновесие, установившееся между великими и малыми домами королевства. Появление на этой сцене Пархима – города новых людей – усложнило игру, на кону которой стоит власть, и подняло ставки. Но главная угроза всем людям, и новым и прежним, исходит из-за Драконьего хребта

© Воропаев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Карта Восточного Предела	5
Глава 1. Анна Нойманн	7
Глава 2. Баррион	16
Глава 3. Ассандр Биорк	26
Глава 4. Чарли	40
Глава 5. Баррион	50
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Новые люди. Том 1

Карта Восточного Предела

Посвящается моим дочерям

Как далеко сегодня забежал ты,
мой маленький ловец стрекоз...

Тие Фукуда

Глава 1. Анна Нойманн

Свой личный конец света стажер полиции Анна Нойманн встретила теплым сентябрьским днем по пути на работу.

Было уже не очень раннее субботнее утро. В будний день в это время она давно была бы на службе. Накануне Анна после дежурства задержалась в городе и вернулась домой уже за полночь. Радиобудильник, настроенный на местную радиостанцию, почему-то не сработал. Поэтому Анна немного проспала и теперь быстро одевалась. При этом она слегка нервничала и была приятно взбудоражена.

Дело в том, что после окончания полицейской школы девушке впервые представился случай надеть свою новенькую парадную форму. В центре сегодня проходило двойное событие: день города и приуроченное к нему вступление в должность нового бургомистра. Ожидается карнавальное шествие, ярмарка на центральной площади. Соберется полгорода. Конечно, по этому поводу всему составу полиции необходимо будет присутствовать.

В доме было тихо, только внизу по гостиной, жалобно повизгивая, беспокойно метался хозяйский пес. Видимо, он и не дал проспать девушке окончательно.

«Что это с ним?» — подумала Анна, собирая в рюкзак повседневные мелочи и с удовольствием поглядывая в трюмо — все-таки форма идет не только мужчинам, но и хорошеньким молодым девушкам. Голубой воротничок рубашки очень выгодно оттеняет серьезные ореховые глаза, а с каштановыми волосами хорошо гармонирует парадная фуражка. Она поправила ее за козырек, посмотрела и тоже сунула в рюкзак. Туда же отправились рация и мобильник, который почему-то оказался разряжен. Анна хотела взять с широкого подоконника мотоциклетный шлем, но неожиданно замерла возле распахнутого окна, нахмутив брови. В голове всплыло смутное воспоминание о ночном то ли сне, то ли видении...

Среди ночи вдруг поднялся невообразимый птичий переполох со стороны леса, к которому дом примыкал садом. Не до конца проснувшись и не желая просыпаться, Анна все же потянулась с кровати и толкнула створки окна рукой. Вместе с ночным воздухом в комнату проник зеленоватый свет. Девушка прильнула к окну. Деревья в саду, усеянные созревшими яблоками, были ярко залиты лунным сиянием. Садовая дорожка, выложенная из камня, блистала отраженным светом среди изумрудной травы. Анна подняла сонные глаза. Встревоженные птички силуэты металась на фоне полной луны, которая висела над лесом и была просто огромной. Просто неприлично бутафорской. Лунный заяц словно подмигивал мерцающей искоркой глаза.

«Ну, во сне все так», — сказала себе Анна и сладко откинулась на подушку.

Сейчас при взгляде на распахнутое окно волшебство этого ночного видения на миг вернулось вдруг, но она легко прогнала его, схватила шлем и торопливо, но мягко побежала по лестнице вниз, стараясь не разбудить хозяйку дома фрау Ковальчик.

Внизу в полутемной гостиной к ней бросился хозяйский боксер, лег на живот, потом вскочил, метнулся обратно в кухню. На полушаге судорожно крутанулся назад к девушке и приглушенно застонал.

— Ну, Тоби, дружок, ты чего такой сегодня беспокойный? — Анна потянулась и щелкнула выключателем. Свет не загорелся. Девушка присела возле подрагивающего пса, дотронулась рукой в белой перчатке до его головы.

— Нельзя опаздывать. Понимаешь? — Она думала, почему может не быть электричества. — Сейчас проснется фрау София и погуляет с тобой.

Анна встала, отодвинула занавеску на окне и, чуть подумав, с присущей юности решительностью открыла дверцу электрического шкафчика у входа в кухню. Пощелкала большим

тумблером. Она видела, что такие манипуляции совершал дома ее отец. Никакого эффекта. «Наверное — на линии что-то... Ладно, действительно нужно ехать — не хватало еще опоздать. Стажеру это непростительно — все тут же обратят внимание. Фрау София, может быть, уже разбирается с этим».

Анна вышла во двор, надевая на голову шлем молочного цвета. Небо было в какой-то дымке, скрывающей солнце, но дождь вроде бы не намечался. Наоборот, воздух был сухой и не по-сентябрьски теплый. Словно в июне пахло медовым разнотравьем. Девушка с удовольствием вдохнула этот воздух полной грудью.

Возле дома наискосок через дорогу сосед возился с автомобилем, открыв капот. Анна ответила на приветствие, подняв руку.

Через низенькую калитку она выкатила со двора свою любимую игрушку — винтажный мотороллер «Веспа». Закинула рюкзак за спину, поправила шлем, поглядывая в круглое зеркало заднего вида, и покатила на мягко урчащем итальянце по улице.

Анна снимала комнату в двадцати минутах езды от службы на улице Флидерберг — это уже за городом, в Слате. Дорога на работу и с работы была необычайно живописной, и девушке очень нравилось, вырвав с тихой улочки, где стоял ее дом, повернуть налево — на достаточно оживленную Хауптштрассе, и с ветерком поехать по черной ленте шоссе через тенистый Зонненбергский лес. Где по левой стороне будут закрывать небо столетние липы и каштаны, а по правой будет поблескивать между деревьями Эльде — неширокая, но милая река с камышом и утками, с уютной набережной и чугунными скамейками в правильных местах.

Анна притормозила возле дорожного знака и аккуратно выкатилась на главную дорогу. Слева и справа здесь были густые акации, почти заросли. Слате здесь уже заканчивался, и можно было нарваться на набирающий скорость транзитный грузовик. Но сегодня на дороге никого не было. Пользуясь моментом, девушка выкрутила ручку акселератора, пересекла перекресток и заняла свою полосу на Хауптштрассе. Метров через двести начинался достаточно крутой подъем, и итальянцу нужно было поддать перцу, чтобы бодро выскочить на лоб лесистого холма.

«Веспа» резвой лошадкой взбежала по дороге вверх, но на самом верху вдруг запнулся, несколько раз чихнула двигателем и заглохла. Анна недоуменно нахмурилась и выжала сцепление, чтобы набрать скорость по холму вниз и завести машину.

Вот здесь все и случилось в первый раз. Она вдруг наткнулась взглядом на две странные фигуры у края дороги в тени старого узловатого вяза.

В полицейской школе на занятиях их учили составлять словесный портрет. Выделять главное: рост, прическу, глаза, нос, одежду и так далее по списку. Описать детали, чтобы потом они сложились в целое. Но в этих субъектах у дороги все было настолько неправильно и несурезно, что мозг отказывался воспринимать их как часть реального мира, только как абстракцию с набором характерных черт.

На руках волосы поднялись дыбом, когда тренированным взглядом Анна почти против своей воли отстраненно фиксировала сгорбленные, как у приматов, спины, лысые шишковатые головы с редкой, но длинной растительностью над ушами, серовато-зеленые лица или морды с совершенно плоскими носами и открытыми ноздрями почти возле самых глаз. Сами глаза — маленькие, узкие, в глубоких глазных впадинах. Рыбы рты. Скошенные маленькие подбородки.

Несоразмерно вытянутые лапы или все-таки руки с длинными когтями сжимали какое-то холодное оружие. У одного — нечто похожее на очень большой разделочный нож мясника, только с длинной ручкой, который, наверное, ловчее держать двумя руками. На плечах шипастые наплечники. У другого, который повыше, — грубое копьё с зазубренным наконечником. Одеты существа были в грубые хламиды, едва прикрывающие торсы.

Мозг Анны беспомощно заметался в попытке рационального объяснения. «Пранк, розыгрыш, но... не сходится... утром на краю города и леса... Для кого это здесь? Допустим, на лицах маски... но как объяснить непропорциональные фигуры, удлиненные руки, короткие и кривые ноги?»

Поразительно, но внутренняя непротиворечивость и даже логичность этих существ была абсолютной и даже вызывала какие-то знакомые ассоциации, что-то давно позабытое... Вот только они никак не связывались с темно-серой лентой асфальта и аккуратной дорожной разметкой дороги, с этим утром и полицейским стажером в новенькой форме. С этим миром.

Анна катилась, вцепившись в руль заглухшего мотороллера, прямо на этот кошмар с всевозрастающей скоростью совершенно ошарашенная и не в силах что-либо предпринять.

Урод с копьем поднял голову на звук шин, что-то встревоженно проверещал своему напарнику и попятился спиной к дереву, шаря рукой по широкому поясу, на котором висело несколько угловатых штуквин. Второй, с колючками на плечах, злобно зашипел, открывая неровные зубы в беззубом рту, и угрожающе ударил тесаком по асфальту.

Мысль о том, что ни в коем случае нельзя останавливаться или даже притормаживать, молнией вспыхнула в сознании девушки. От обеих фигур исходила волна неподдельной первобытной ненависти и опасности.

Негромко вскрикнув и прижавшись к рулю, Анна пролетела мимо опешивших головорезов. Тот, который стоял ближе, с ножом, в последний момент все же отпрянул в сторону от мотороллера, неловко подвернул ногу и опрокинулся на спину.

Раздался яростный крик. Девушка обернулась назад в тот момент, когда второй субъект яростно швырнул страшный крюк, и тот со свистом полетел ей в голову. Анна непроизвольно втянула голову в плечи и, уворачиваясь, мотнула руль машины. Мотороллер стал заваливаться набок. Теряя равновесие, она отпустила сцепление. «Веспа» дернулась и вдруг, яростно взревев, завелась, выровнявшись в рывке.

Железяка пролетела рядом с плечом далеко вперед, обгоняя Анну, и заскрежетала зубьями по асфальту, рассыпая искры.

— Мамочка моя, что это? — Девушка схватилась второй рукой за руль и выкрутила газ до упора. Какое-то время она мчалась по шоссе, удерживая себя от непреодолимого желания обернуться.

Метров через двести она все же не удержалась и посмотрела назад, но зловещих фигур на дороге уже не было. Похоже, что и крюк подобрали. По крайней мере, отсюда она его не видела. Анна немного притормозила и привстала с сиденья, но там, у вяза, качнулась ветка орешника, и девушка опять нажала на газ.

«И главное, как по заказу, ни одной машины за все время», — подумала стажер.

Впереди справа показался пансион семьи Майеров «На Бруннен». Здесь в кафе Анна иногда завтракала по пути на службу. Выходило немного дороже, чем в «Макдональдсе» дальше по шоссе, но все было по-домашнему вкусно.

Возле самой дороги стоял старый хозяйский дом бледно-канареечного цвета, а за ним ближе к реке — гостевой в два этажа, с открытой верандой. Дальше был спуск к маленькой пристани, на которой немногочисленные постояльцы могли позагорать в шезлонгах, половить рыбу и все такое.

По случаю праздника на фасаде шелестел черно-красно-зеленый флаг с головой быка, увенчанной золотой короной и оленьими рожками. Возле крыльца был припаркован старенький хозяйский «гольф».

Здесь Анна остановилась и, поставив одну ногу на бордюр, движением плеча скинула рюкзак на руль. Поглядывая назад на затененную деревьями дорогу, выудила из рюкзака рацию. Ее, конечно, следовало сразу надеть спереди на ремень, но не очень ловко сидеть на «Веспе» с

этой штукой, а полицейский жилет Анна сегодня не надела. Она вдруг обратила внимание, что боковые стекла у «фольксвагена» разбиты, и осколки щедро усыпали салон машины и тротуар.

«Значит, эти типы могли здесь побывать». Рука потянулась к кобуре и расстегнула пластиковую клипсу. По спине у девушки пробежал неприятный холодок. Впервые в своей жизни она столкнулась с ситуацией, когда оружие может появиться в ее руке в реальной жизни, а не в учебном тире.

Над головой раздался шум хлопающих крыльев, и на дерево через дорогу от Анны вдруг с шумом опустилась огромная птица с блестящим широким клювом. Черный ворон, но таких невероятных размеров, что толстая кленовая ветка под ним ошутимо прогнулась.

«Крух!» — произнесла птица, устраиваясь, и внимательно посмотрела на девушку одним глазом.

Анна заворуженно уставилась на нее. Непослушными руками ослабила ремешок и сняла шлем.

Ворон одобрительно покрутил головой и пошел шагками по ветке в сторону девушки, поглядывая то одним, то другим глазом.

Руки у Анны немного дрожали. Глядя на удивительную птицу, она стянула с рук дурацкие белые перчатки и шелкнула тумблером рации. Шипение. Экстренный канал — тоже ничего, кроме слабого потрескивания. Нажала передачу и, почему-то стесняясь ворона, негромко сказала:

— Здесь стажер Нойманн, код ноль — шесть, нападение на полицейского, меня кто-нибудь слышит? Прием.

— Крух, — утвердительно повторила птица и встряхнула крыльями.

Анна вздрогнула. Ей вдруг послышалась какая-то приглушенная речь или тихая музыка. В доме или за деревьями, или это просто ветер прошелестел листьями. Станный звук шел словно отовсюду или, может быть, только чудился в ее голове. Как обрывок мелодии... Она повернула голову, тихий звук повторился и затих.

— Тууп, — «сказал» ворон, глянул на девушку хитрым глазом и вдруг, сильно качнув ветку, прыгнул в воздух, мощно замахал крыльями и, легко взмыв над деревьями и над домом, полетел в сторону города.

Анна проследила за полетом птицы, собирая разрозненные мысли. В голове возникла картинка летящего в голову крюка, выпущенного злобной тварью. «Нужно зайти в пансионат, позвонить в участок и сообщить». Она слезла с мотороллера и еще раз посмотрела назад на Хауптштрассе, затененную смыкающимися кронами деревьев. Время было к десяти часам, но мгlistая дымка на небе закрывала солнце. Вроде никакого движения. И по-прежнему ни одной машины — ни со стороны Линде, ни с севера, со стороны Пархима.

Анна пристегнула бесполезную рацию на пояс и прислушалась. Стояла редкая тишина, ненарушаемая звуками машин. Примолкли даже птицы. Только слегка шелестело полотнище флага на стене, и из травы доносился прерывистый стрекот кузнечика. С холодком между лопаток, тревожно оглядываясь, стажер покатила мотороллер к гостевому дому. Вход в кафе был со стороны террасы.

Девушка оставила «Веспу» возле ступенек и прошла по крашеным доскам террасы к стеклянной двери, закрытой опущенной шторой. Она осторожно потянула бронзовую ручку. Звякнул колокольчик. Стажер вошла в кафе и замерла, обводя глазами помещение.

По кафе были разбросаны стулья, столы в проходе опрокинуты, словно кто-то шел от входной двери к стойке, расшвыривая мебель в стороны.

За стойкой на высоком стуле, боком к девушке, сидел светловолосый подросток, уронив голову на тарелку перед собой. Застывшим взглядом он стеклянно смотрел мимо Анны. Кровь сочилась из виска на недоеденный омлет и далее разливалась темной лужицей по камню стойки.

Анну замутило, она судорожно глотнула воздух и опустилась на колени.

Стажер узнала паренька. Это — Тео, сын Майеров. Лет четырнадцать ему... было.

«Что же происходит? Непрекращающийся абсурдный кошмар». — Девушку накрыла противная дрожь. — «Нужна помощь, нужно сообщить... Вызвать подкрепление, медиков — действовать по инструкции. Но нет связи. Как может не работать рация? Нужно найти телефон и еще хоть кого-нибудь. Здесь должны быть постояльцы. Потом — обеспечить сохранность места преступления, эвакуировать гражданских...». Анна сконцентрировалась на своем дыхании, попыталась расслабить сжавшиеся плечи и немного стала приходить в себя.

Раздался какой-то звук, девушка вскинула голову, рука быстрым отработанным движением выхватила пистолет из кобуры. Оставаясь на коленях, Анна выставила вальтер перед собой в полусогнутых руках: левая поддерживает снизу правую. Замерла, прислушиваясь и поводя оружием за взглядом в сторону лестницы на второй этаж, назад, в сторону открытой двери кухни справа от стойки.

Звук повторился: какое-то шарканье и короткое бульканье. «На кухне», — определила Анна.

Она мягко встала на ноги и, держа перед собой вальтер, стараясь ступать бесшумно, направилась к двери.

В проходе на кухню на полу сидел повар пакистанец. Анна не помнила его имени. Прислонившись к стене, он с искаженным мукой лицом смотрел на приближение девушки. Руками повар держался за живот. Под ними по белому переднику расплывалось темное пятно. Он неосознанно в конвульсии дернул ногой.

— Очень больно. Полиция, помощи, — прошелестели посеревшие губы.

Анна бросила взгляд по кухне: чем перевязать? Присела возле пакистанца. В ноздри ударил резкий запах. Подсунула под спину раненого один конец длинного полотенца. Перехватила с другой стороны, чтобы обернуть его вокруг тела.

— Тихо, тихо, спокойно. Все будет хорошо. Так, убери руку, — негромко говорила она, плотно оборачивая полотенцем рану. — Сейчас вызовем скорую. Вот телефон.

Она увидела стационарный телефон на стене. Но гудка не было. Полная тишина — нет даже потрескивания.

— Не работает, — прошептал мужчина. — И света нет с утра.

— Ну, ничего... Вот, придержи так. Сейчас я вколю тебе обезболивающее. Потерпи.

Она нашла пальцами клапан на поясе и достала противошоковую капсулу. Девушка занималась пакистанцем, но все время прислушивалась к звукам в доме и старалась не поворачиваться к холлу спиной. Руки у нее немного подрагивали, но действовали быстро.

— Это шайтаны приходили, — прошептал повар. — Они Тео убили, да? Бедный мальчик.

— Где они?

Пакистанец пожал плечами, черты лица немного расслабились.

— Ушли... Наверху Пауль где-то. Там. — Он показал глазами в сторону лестницы. — Мальчик младший убежал наверх. Они его не видели.

Ему стало явно легче говорить. Видимо, обезболивающее начинало действовать.

— Один поднимался наверх, но не нашел.

— А хозяйка где?

— Уехали на праздник в центр рано утром. Машина сломалась. На велосипедах.

— А постояльцы?

Он покачал головой.

— Сегодня новые должны были заехать.

— Я посмотрю мальчика. Этих двое было?

— Да. Шайтаны.

На втором этаже располагались две комнаты и санузел. Все двери были настежь открыты. Полы сплошь укрыты темно-бордовым ковролином. Что за мерзкий цвет. Стажер поднесла руку ко рту и сдавленно подышала, сдерживая желудок.

Мысль о мальчике привела ее в чувство. Анна опустила руку с пистолетом вдоль ноги: не хотела напугать ребенка, но спрятать оружие в кобуру не решилась. Осторожно обошла помещения. В ванной была сорвана шторка, в комнатах опрокинуты кресла, дверцы шкафов распахнуты. На первый взгляд никого не было. Мальчик хорошо спрятался.

— Пауль, — позвала она негромко. — Это полиция. Анна Нойманн. Ты меня раньше видел.

В ванной послышался какой-то звук. Стажер направилась туда, пряча вальтер в кобуру.

Детская ладошка сдвинула пластиковый экран под чугунной ванной. Показались настоженные темные глаза. Мальчик с трудом вылезал из ниши между ванной и умывальником. Анна встала на колени и помогла ему.

— Как же ты поместился там? — изумилась она.

В ответ тот расплакался и схватил Анну обеими руками за рубашку, пряча лицо у нее на груди.

— Ну-ну. Теперь уже все позади. Молодец, что спрятался. Очень ловко.

— Они меня искали, эти орки. Нюхал здесь... я слышал, — всхлипнул он.

— Кто?

— Орки. Ты не знаешь, что ли, кто такие орки? Я в окно их еще увидел — они по мосту шли, крались. Я подумал, может, шутка. Сегодня ведь праздник. Может, думаю, друзья Тео. А они на Мариам напали.

— На Мариам?

— Ну, она убирает здесь и у нас дома, — пояснил он. — Она шла там, к мосту, а они оттуда, из города. И один орк копьем ее хотел... а она с моста прямо в камыши прыгнула. Я побежал вниз. Говорю Тео: «Орки, чудовища!» А он даже не ответил. Конечно, если я младше... — Он опять всхлипнул и насупил.

— Пауль, у тебя есть телефон? Мне очень позвонить нужно. Рация сломалась.

— Он не работает. — Мальчик вытащил из джинсов мобильник. — Я хотел звонить в службу спасения. Нам в школе объясняли. Сети нет.

— И у меня не работает. Там внизу повар. Он ранен. Ему помощь нужна.

— Ранен? — спросил мальчик. — А Тео где? Брат. Он спрятался?

Анна взяла его за плечо.

— Вот что, Пауль. Я сейчас пойду за помощью. Меня не будет только минут пятнадцать. Ты вниз ни в коем случае не спускайся. Посматривай в окна, тебя из-за тюля с улицы видно не будет. Только не прижимайся к окнам, а если вдруг увидишь этих... — Она запнулась. — Ну, орков. Ты опять спрячешься. У тебя здорово получается. Хорошо?

Пауль неуверенно кивнул.

— Только ты побыстрее. Мне страшно.

Анна ласково сжала плечо ребенка и кивнула, заглядывая ему в глаза.

— Я быстро-быстро. Обещай не спускаться.

Она встала с колена и пошла в комнату. Взяла с кровати одеяло и подушку, связала их в куль. Пауль с испуганным лицом молча держался у нее за спиной. Прежде чем спуститься по лестнице, Анна посмотрела в окно и ободряюще улыбнулась мальчику: «Никого».

Она спустилась вниз. Прошла по холлу мимо барной стойки, избегая поворачивать голову в сторону бедного Тео, и склонилась на кухне над пакистанцем. Он при ее появлении открыл глаза и вопросительно посмотрел.

— Пауль в порядке, — успокоила она его. — Прятался.

Анна бережно подсунула ему под голову принесенную подушку и прикрыла одеялом. Повязка уже пропиталась кровью.

— Тебя как зовут?

— Закария.

— Я пойду за помощью. Нужно тебе вызвать скорую. Здесь нет никакой связи. Потерпи, Закария. Хорошо?

Пакистанец закрыл глаза. Смуглая кожа лица стала почти серой. На лбу выступили бисеринки пота.

Анна решила ехать в город на восток — направо через мост по Каштановой аллее. Здесь до первых домов было около километра. Нужно было срочно найти медицинскую помощь. Повар долго не продержится.

«Или хоть какую-то помощь...» — подумала девушка. В ней болезненной занозой шевелилось сомнение, правильно ли она поступает, оставляя мальчика одного наверху.

Мотороллер пришлось заводить с толчка — на ключ он не реагировал. Анна осторожно выехала из-под густых акаций на мост и набрала скорость. Ветер вырвал из прически прядь волос, ее шлем остался где-то в гостинице.

Анна получила должность в Пархиме после окончания полицейской школы. Только два месяца назад. Это, нужно сказать, было весьма удачным назначением. С одной стороны, она вступила в самостоятельную жизнь в другом городе. Это работало на ее независимость. С другой стороны, до дома было каких-то пятьдесят километров, хоть каждые выходные можно было навещать отца в Шверине.

Последние восемь лет они жили с отцом только вдвоем. Мать уехала в Голландию с молодым бойфрендом, когда Анне было двенадцать лет. Обычное, в общем, дело. Мать — скрипачка, точнее, виолончелистка. Вечерами у них часто бывали гости. Всегда почти только приятели матери. Анна смутно помнила — мать с блестящими карими глазами, оживлена, с бокалом вина в руке с кем-то разговаривает, смеется... Потом она была на каких-то гастролях. Анна ее долго ждала. Отец не сразу решился рассказать дочери, что произошло. Может быть, надеялся, что жена еще вернется. Из Голландии. Мать потом приехала. Навещала бабушку и встречалась с Анной. Водила ее гулять в дворцовый парк, звала поехать в зоопарк. Но у девочки тогда был такой возраст... Она замкнулась, и мать с грустью должна была отступить. Потом у них там, в Голландии, родилась дочь. И общение совсем сошло на нет. Когда Анна подросла, она, конечно, поняла, что все бывает между людьми, и отец, наверное, слишком погружен в свою работу в парковой службе, но ведь они были семья... И мать ушла не только от отца, но и от нее.

Пархим тоже не был совсем чужим городом для Анны. Недалеко от железнодорожного вокзала на Даммер вег раньше жила ее бабушка, мамина мама. Небольшая квартирка бабушки располагалась в муниципальном доме. В бывшем советском военном городке. Раньше здесь проживали семьи офицеров. Власти привели дома в порядок, убрали остатки забора из сетки-рабицы и заасфальтировали проезды.

Анна провела здесь не одно лето, поэтому хорошо изучила эту часть города между вокзалом на востоке и мотодромом на западе. Конечно, знала многих своих сверстников и соседей.

Но сейчас, так получилось, она снимала комнату совсем в другой части города.

Анна вдруг вспомнила, что почти сразу на въезде в город на Вальтер-Данке вег в собственном доме жил ее сослуживец Йонас Беккер. В прошлые выходные она была у него там по случаю дня рождения в компании половины сотрудников их отделения.

Йонас был высоким веселым парнем с открытым веснушчатым лицом. Доброжелательный и, наверное, немного провинциальный. Он даже оказывал Анне неуклюжие знаки внимания. Мама его, которая тогда хлопотала вокруг гостей, с интересом присматривалась к ней, но Анна сомневалась, что она хочет замутить что-нибудь на работе, да еще так определенно.

Вот только Йонас мог уже уехать в центр на праздник. Она потеряла в пансионате не менее получаса. Девушка потянулась к поясу за рацией и раздраженно хлопнула по ней рукой. «Нет, полицейский без связи — это полполицейского». Все служебные инструкции включали постоянную связь с коллегами и с полицейским диспетчером.

Аллея уходила дальше вправо на восток. Девушка проехала прямо — по Брунненштрассе. Начался город, и среди частных домов по левую руку Анна стала высматривать дорожку, ведущую к нужному дому.

Йонас стоял возле калитки своего дома в окружении толпы соседей. Его мощная фигура в темно-синем полицейском жилете вздымалась над всеми. Поставив руки на бедра, он внушительно говорил, поворачивая голову в белой парадной фуражке то к одной части собравшихся, то к другой. Он издали увидел приближающуюся Анну и приветственно поднял руку, продолжая настойчивым тоном что-то объяснять людям.

Анна заглушила мотор и облегченно вздохнула, ставя мотороллер на подножку. Наконец можно переложить или хотя бы разделить ответственность и весь этот ужас с кем-то более опытным. Как бы там ни было, она только стажер, и... она девушка! Разве это совсем уж не важно?

— Дорогие друзья! — говорил Йонас. — Мне тяжело вас перекрикивать и повторять одно и то же. И на это сейчас мы не можем тратить время. Все ваши претензии, возможно, обоснованы, но вы видите, какая сложилась невероятная ситуация. Нам еще предстоит понять, как с этим разобраться и возможно ли это. Поэтому сейчас сделайте, что я вам говорю. Разойдитесь по домам, перекройте газ и наберите воду, пока она еще поступает. Обойдите соседей, посмотрите, в порядке ли они, не нужна ли кому помощь, и проинформируйте их о нападениях и о необходимости быть осторожными. Не выпускайте на улицу детей. — Он задумался и провел рукой под козырьком. — Мужчины! У кого есть охотничьи ружья, проверьте их и, может быть, поделитесь с соседями. Нужно организовать патрулирование района группами по два-три человека.

Люди расступались, пропуская Анну. Некоторые расходились, встревоженно переговариваясь и бросая взгляды мимо нее на север.

— Постарайтесь без необходимости никуда не выходить и уж тем более не выпускайте детей, пока ситуация не нормализуется, — повторил им полицейский.

— А она нормализуется? — крикнула старушка с мелкими седыми кудряшками.

Полицейский развел руками, но ответил уверенным голосом:

— Обязательно!

— Йонас, — потянула Анна парня за рукав. — У меня там тяжелораненый и... убитый. Подросток. И мне еще пришлось там маленького мальчишку оставить одного.

Йонас нахмурился, но не выглядел шокированным. Видимо, ожидал чего-нибудь подобного.

— Где это?

— В пансионате у моста. — У нее вдруг из глаз побежали слезы. — Бедный мальчик. Дыра в голове.

Йонас сморщился и оглянулся.

— Не нужно, Анна. Люди и так напуганы. — Он протянул девушке пачку бумажных платков и понизил голос. — Видишь Ханса? Хозяин бакалеи возле спортклуба. — Йонас кивнул на рыжеватого мужчину, удрученно сидевшего на скамье под кленом. — Увидел через витрину, как возле его лавки напали на девчонок. Говорит — орава мерзких панков. Тащили девчушек по мостовой за волосы, как кули с картошкой... Он вынес из подвала ружье, чтобы, значит, пригрозить, а закончилось все стрельбой. Особо толку от него не добился, что там было. Не может в себя прийти... Смотри! — Он поднял с земли за оперение короткую стрелу с зазубренным наконечником. — Видишь? На шутки совсем не похоже.

Йонас повернулся к худенькой темноволосой девушке с короткой стрижкой. Она стояла на колене прямо на асфальте, нагнувшись над синей медицинской сумкой. Застегивала клипсы.

— София, пожалуйста, возьми брата и на велосипедах поезжайте с Анной к Майерам.

— Ну, мы сами можем, — сказала она в ответ, вставая и поднимая сумку за лямки.

Стажер поспешила помочь девушке пристроить ее за спину. — Здесь рядом.

— Нет. Анна вас прикроет. Нельзя сейчас одним разъезжать. — Полицейский сдвинул фуражку на затылок и спросил у девушки: — Ты как? Нормально? Не боишься?

— Нет. Все равно когда-то всем умирать.

— Что? — удивился Йонас. Такого ответа он точно не ожидал. — Ну вот что, и я с вами тоже поеду. Только велосипед из подвала выведу. Так вот. Не будем рисковать.

— Друзья, — обратился он громко к расходящимся соседям, — если будут вопросы, проблемы — я планирую быть здесь через час. Всю информацию пока передавайте моей маме. Она побудет за секретаря. — Он повернулся к Анне. — Сейчас в пансионат, потом обязательно нужно будет в отделение. Выяснить обстановку.

— Йонас, — тихо сказала Анна. — Что происходит, ты вообще понимаешь? На меня тоже напали — еще возле Слате. У них не было носов, они выглядели как... — Анна запнулась.

— Как гоблины? — серьезно спросила София, деловито устраивая сумку за спиной.

Анна кивнула.

— Мальчик Майеров сказал «орки». И нет электричества, никакой связи. Рация — молчит, Йонас. Как такое вообще возможно?

Йонас вздохнул.

— Я этих уродов сам не видел, но это еще не самое худшее. Это бы я еще мог принять...

Когда весь мир летит в... к черту!

Девушка с испугом посмотрела на него.

— Весь мир? Что ты имеешь в виду?

Он невесело протянул:

— Ну... Ты вообще глаза сегодня поднимала на небо? Вот на это — смотрела? — Он указал куда-то неопределенно за спину Анны.

Она недоуменно развернулась за его рукой.

На полгоризонта с юго-запада до северо-востока протянулась отчетливая темно-синяя скалистая гряда, и в той стороне, где должен был находиться Шверин, поднимался внушительный горный массив, сверкая снегами и темнея глубокими расщелинами. А над ним гордо возвышалась грандиозная пирамидальная вершина с острыми гребнями. Чуть левее вершины, перевалив через хребет, вставало солнце и заливало все это яркими лучами. Взору представляла внушительная панорама, неуклонно поднимающаяся от города в сторону этой одинокой вершины.

— И что должно было произойти с этим миром и с нами, — глухо добавил за спиной Йонас, — чтобы солнце встало на западе, вылез вот такой монблан, а мы, пока не продрали глаза, ничего даже не почувствовали?

Глава 2. Баррион

Сэр Эльгер встал, раздраженно отодвинув доску с опрокинувшимися фигурами. Паж поспешно подбежал и нагнулся у стола, подбирая рассыпанное по дорожному реиндольскому ковру.

Рыцарь, не глядя на чародея, положил руку на пояс рядом с рукояткой длинного кинжала.

— Хорошо иметь в должниках ярла Капертаума, — сказал он, хмурясь в открытое окно. — Это тебе любой скажет по эту сторону Драконьего хребта. Про тебя рассказывают чудеса. Так помоги отцу, раз ты уж все равно оказался на Овечьих Холмах.

Чародей посмотрел на руку рыцаря и кротко сказал:

— Хорошо, эрл. Я поднимусь, посмотрю и помогу, но знай, что времени у нас нет. Я спешил к ярлу три дня и две ночи и почти загнал лошадь. И если я не могу поговорить с ярлом, я должен поговорить с тобой.

Рыцарь удивленно повернулся от окна.

— Ты добрался от Щавелевой Гати за три дня?

Чародей промолчал, лишь пожав плечами.

— Ты ехал через Черный лес, — понял эрл. Смерил взглядом тщедушную фигуру чародея, закутанного в охотничий плащ. В сравнении с внушительным обликом рыцаря, его мощным торсом, круглыми плечами и крепкими руками юноша выглядел почти ребенком. — Тебя ведь называют Суток? Это такая плетеная маленькая корзинка? Никогда не встречал человека, который бы на это решился. Сколько тебе лет, чародей?

Юноша вежливо улыбнулся.

— По пути я встретил отряд воинов с обозом. Они направляются в твердыню Закрытые Ворота. Останови их, сэр рыцарь.

Эльгер опешил.

— Как ты смеешь давать указания! Ты — мальчишка. Знаешь ли ты... — Кровь эрла начала закипать, но он пытался обуздать себя, зная, каков бывает в таком состоянии. Еще и непонятно, как разговаривать со щенком. Это не сельский колдун, который врачует коз за кружку эля. Опасно ссориться с королевским чародеем. — Знаешь ли ты, — сказал он уже спокойнее, — что мой долг перед твоим хозяином, а моим королем велит мне защищать Восточный Предел.

— У меня нет хозяина, эрл. — На парнишку гнев Эльгера не произвел никакого впечатления, он только внимательнее посмотрел на рыцаря. — А воины тебе самому неотложно понадобятся в скором времени. Мир соединяется... — непонятно добавил он. — По-видимому, обоз возглавляет твой брат сэр Баррион. Я не ошибаюсь.

— Что тебе известно? Что за игры? — раздраженно сказал рыцарь, борясь с собой. — Выкладывай все на доску. Я не привык разгадывать загадки.

— Разделенный мир воссоединяется, — повторил чародей. — Пойдем, рыцарь, к твоему отцу. Я, несомненно, все тебе объясню. И отправь, не мешкая, за обозом.

Ярл лежал в донжоне на массивной кровати с вырезанным у изголовья гербом дома Фюргартов: красный лев в золотой короне, стоящий на задних лапах и держащий в передних двухручный меч. Раздвоенные на концах медово-оранжевые флаги с таким же красным львом украшали ворота в крепость Капертаум и островерхую крышу на самой высокой башне. Только на тех львах не было короны.

Некогда дом Фюргартов был королевской семьей и правил обширной областью, лежащей между реками Эльдой и Сестрой на севере и западе и горной цепью Гнилые Зубы на юге. На востоке границей края была величественная стена Драконьего хребта. Она же была границей и

всей человеческой ойкумены — всего Восточного Предела. Земли, принадлежащие Фюргартам, назывались Овечьими Холмами. Затем — славным королевством Элендорт.

Но те времена давно прошли, и красный лев оставался в короне только на столовом серебре и на старой мебели из железного дерева, доставшейся ярлу Деррику от его прапрадеда, легендарного короля Якова. Вернулось и непритязательное название Овечьи Холмы.

Глаза ярла были закрыты. Руки лежали поверх покрывала. Короткая борода с проседью на подбородке вздрагивала в такт с порывистым дыханием. С первого взгляда было видно, в кого пошел обликом рыцарь Эльгер. Те же светлые короткие волосы, твердый подбородок, глубокая ложбинка между строгими бровями.

У изголовья, прижав сцепленные руки к груди, замерла очень юная светловолосая девушка. Она с отчаянием смотрела в лицо ярла. С другой стороны кровати знахарка, шепча заговоры, протирала виски ярла древесной улиткой. Пахло золой и уксусом. Чуть поодаль в ногах кровати, опустив голову, стоял старый оруженосец с застывшей в глазах тревогой.

Чародей поставил посох, осмотрелся и негромко сказал, повернув голову к ярлу:

— Пусть все женщины выйдут.

Эрл повелительно поднял бровь, и знахарка, подхватив узелок со звякнувшими склянками, устремилась к двери. Девушка гордо выпрямилась, подняв подбородок. Белое с серебром прямое платье как мокрый шелк заструилось по фигурке, поблескивая речными жемчужинами на рукавах. Юноша вздохнул и попросил, опустив глаза:

— Прошу вас, принцесса...

— Селита, — произнес рыцарь требовательно.

Яростно сверкнув глазами на чародея и на эрла, девушка стремительно прошла к выходу, мягко шурша платьем. На юношу повеяло ароматом зеленых яблок. Он дождался, пока стражник беззвучно прикрыл за ней тяжелую дверь и слегка нагнулся над ярлом. Эльгеру почудилось, что юноша принимает, словно пойнтер. Потом чародей, опираясь на посох, склонился над тяжело поднимающейся грудью ярла ниже, взял его за руку и замер, прикрыв глаза.

Через несколько долгих минут рыцарь нетерпеливо переступил с ноги на ногу:

— Он упал с лошади на соколиной охоте. Каурая понесла, — наконец проговорил он недовольный тем, что мальчишка сам ничего не спрашивает. — Второй день лежит без памяти. Трентон его привез.

При этих словах чародей открыл глаза и, не отпуская руки ярла, посмотрел на оруженосца. Тот пошевелился и поднял голову. Юноша внимательно взглянул ему в глаза и молча кивнул то ли ему, то ли себе и отпустил руку ярла. Кисть со шлепком безвольно упала на грудь больного. Эльгер и оруженосец вздрогнули от этого звука и неодобрительно посмотрели на чародея.

— Все, что я мог — сделал. Отец твой будет жить, сэр рыцарь. Но он пролежит без памяти несколько дней и когда очнется, будет еще целую луну слаб и сонлив. Придется тебе, эрл, взять на себя заботы о доме Фюргартов, — сказал юноша, пряча руки в широкие рукава плаща.

Эрл не увидел никаких внешних изменений в состоянии отца и был явно разочарован и раздражен.

— Что говорил ты о разделенном мире? Разве можно всерьез верить этим нянькиным сказкам? — угрюмо спросил рыцарь, подходя поближе к ложу и изучая лицо отца.

— Нет, это не просто старые побасенки для малых детей, — ответил чародей. — Когда ты в день своего совершеннолетия в королевском замке, преклонив колено перед королем Восточного Предела Вильгельмом Прямодушным, давал клятву верности, разве не говорил ты в конце ее: «...и да будет так, пока разделенный мир не воссоединится»? И разве не этими же словами отвечал он тебе, положив меч на твое плечо?

— Говорил, конечно, но это просто другие слова, чтобы торжественно сказать «навечно», и так заканчивают любые клятвы. Даже купцы из западных земель, когда заключают сделку, бьют руками и говорят так.

— Нет, сэр рыцарь, — при этом очередном «нет» юноша слегка поклонился, смягчая свои слова. — Это никогда не были просто пустые фразы. Это время пришло. Разделенный мир соединился, и старые клятвы утратили свою силу. Наступает время, когда жизни всех обитателей ойкумены изменятся, хотят они этого или нет. Наступило уже, — поправил он себя и посмотрел на недоверчивое лицо эрла. — А ты, сэр рыцарь, ведь хочешь изменений?

— Все хотят изменений, — быстро и решительно ответил тот.

Чародей мягко покачал головой.

— Люди страшатся перемен. Бурных изменений хотят натуры романтические или неудовлетворенные своим положением. Или властители, — добавил он. — Вот, например, верный оруженосец твоего отца не хочет никаких изменений. Его устраивает, как теперь все идет... И он хочет лишь побыстрее вернуться домой к молодой жене.

Старый воин при этих словах вздрогнул и с тревогой посмотрел сначала на чародея, затем на молодого хозяина.

— Я только... — начал он хрипло.

Юноша поднял руку, останавливая его.

— Здесь нечего объяснять, сэр Трентон. Я у тебя ничего не спрашиваю. — Он медленно прошел к высокому окну, выходящему на запад, и встал у проема, всматриваясь в голубую даль.

— Хотим мы этого или нет, это уже ничего не изменит. Мир прежним не будет. Каждому надлежит сыграть свою роль. Мне, эрл, — мою, а тебе — свою, — сказал он, прищурившись куда-то в сторону убегающей реки.

— Да. Теперь я вижу, что ты умеешь показывать кое-какие фокусы, Суток. Но с чего ты взял, что мир соединился? Я ничего не вижу и не чувствую. Что изменилось? Во имя Единого и Непостижимого!

— Подойди, высокородный рыцарь. Посмотри. Что ты видишь в своих владениях? — позвал его в ответ чародей от окна.

Эрл решительно направился к окну и замер возле чародея, нетерпеливо и настороженно изучая пейзаж за окном.

— Смотри немного левее, сэр рыцарь. В сторону Запретных курганов. Видишь ты их? — Он вытянул руку из плаща и показал верное направление.

Рыцарь нахмурился и прищурил глаза. Потом его брови поднялись, и он требовательно выкинул руку назад. Паж поспешил к серебряному ларцу на каминной полке, осторожно извлек увеличительную трубу и вложил ее в руку господина. Эльгер раздвинул замысловато декорированную трубу и направил в окно. Он долго молча смотрел, покусывая светло-рыжий ус, потом опустил трубу и признался:

— Я не понимаю, что я вижу. Но это не Запретные курганы.

— Это город, эрл. Очень большой город, — ответил юноша.

— В наших владениях? Чей? — растерянно сказал рыцарь.

— Город беглецов. Теперь ты видишь сам — мир соединился.

Обоз, снаряженный в цитадель Закрытые Ворота, был возвращен в Капертаум посланием эрла, доставленным самой быстрой птицей.

Отряд ушел только на полчаса пути, даже мальчишки, по обыкновению увязавшиеся за воинами, еще не все повернули домой.

Полковник Эррум, получив короткую записку, выругался про себя и, развернув коня, поехал в хвост растянувшегося обоза разыскивать в утренних сумерках Барриона Фюргарта, младшего сына ярла. Командиром отряда по номиналу был Фюргарт.

Солнце еще не поднялось из-за Драконьего хребта, и предгорья утопали в сизом тумане. Молодой рыцарь задумчиво ехал за последними повозками обоза поодаль по холму, держа в губах длинную травинку. Его лошадь плыла по брюхо в белесой дымке. В руках всадник крутил какую-то хитроумную вещицу в виде небольшой шкатулки, грани которой состояли из ярких разноцветных квадратиков. От движения его рук квадратик менялись местами, изменяя рисунок граней. Отстав на два корпуса, на мохнатом черном коне за Фюргартом ехал оруженосец Барриона, который был известен по прозвищу Утес. Очень высокий рыцарь с желтыми волосами, спадающими длинными прядями. Правую щеку его украшал глубокий шрам, который делал вытянутое лицо зловещим.

Разрывая слоистый туман, полковник поднялся на гребень и, поравнявшись лошадьми с Баррионом, коротко глянув на безделицу в руках рыцаря, кивнул и протянул записку.

Не останавливая лошадь, рыцарь поднял свои мягкие фиолетовые глаза на полковника, развернул полоску пергамента и прочитал послание.

— Обозу немедля вернуться в Капертаум. — Он пожал плечами. — Печать — брата. Что это значит, мы только вышли.

— Вепрь меня раздери, если я понимаю, — пробурчал полковник. — Чтобы остановить только что вышедший обоз! Пока мы вернемся... Сегодня мы уже никак дотемна не успеем добраться до первой таверны Красного Зубца. Значит, ждать до завтра. Сэр Изгард будет в ярости, когда обнаружит, что смена задерживается.

— Может быть, отцу стало хуже?

— При всем уважении, милорд, — полковник положил руку в кожаной перчатке на грудную пластину, — эрл Эльгер не стал бы возвращать из-за этого обоз. И никто бы не стал, даже сам ярл. Не знаю, что должно было случиться. Не припомню такого.

Он махнул рукой, и к ним галопом поскакал ординарец полковника.

— Разворачивай обоз, — крикнул полковник ему загодя, подтверждая слова жестом, и остановил лошадь на гребне.

Ушло не менее четверти часа, пока растянувшийся обоз разворачивался в узкой долине между холмами, воины в кольчужных рубахах разбирали с повозок щиты с красным львом и помогали друг другу надевать на плечи гремящие стальные доспехи. В сыром воздухе раздавались гулкие звуки мужских голосов и сдержанное ржание лошадей. Не зная, чего ожидать, полковник Эррум велел перестроиться отряду в боевой поход. Наконец обоз, оцетинившись копьями и мечами, двинулся по долине назад. Вперед по холмам послали на свежих лошадях разведчиков. Еще через час возле первых хижин, облепивших крепость со стороны Овечьих Холмов, обоз встретил эрл Эльгер с личным отрядом.

Издали приметив брата по штандарту, который держал его знаменосец, младший Фюргарт в сопровождении полковника Эррума поспешил вперед по плоским камням Королевской дороги.

Когда они подъехали, Эльгер, спешившись, разговаривал о чем-то с молодым юношей, держащим посох чародея и укутанным в заношенный охотничий плащ с островерхим капюшоном. Перед ними терпеливо стоял паж, развернув в руках карту, выжженную на выделанной шкуре.

— Я не стратег, высокочтимый эрл, — негромко говорил юноша, когда рыцари подошли к ним, отдав поводья оруженосцам — но важно никого не выпустить на королевскую дорогу. Поэтому, думаю, нужно подойти к городу с юга, но, впрочем, сейчас в игру могут вступить многие заинтересованные стороны и, главное — быть на месте первыми.

Эрл кивнул подошедшим рыцарям и, глядя сверху вниз на тщедушную фигуру чародея, сказал:

— Может быть, это будет важно: вчера я получил птицу с донесением из цитадели. Сэр Изгард сообщает о странном происшествии. На закате стражники Закрытых Ворот заметили,

что на другом берегу Эльды появилась группа людей. Был срочно вызван сам начальник цитадели, и дальнейшее он видел через подзорную трубу собственными глазами: небольшой отряд береттеев, ведущих богато одетую девушку, и с ними красный жрец. Они вошли в воды реки, и жрец выкрикивал какие-то заклятия. Потом он перерезал девушке горло...

— Открывающая жертва, — нахмурился чародей.

Рыцари переглянулись.

— Это значит?.. — произнес Эльгер.

— Это значит, что через три-четыре луны воды реки донесут кровь царственной девственницы до залива Урбанта, и если заклятие Эдин будет снято, Эльда на всем своем протяжении перестанет быть преградой для береттеев и заодно для любой твари из Черного леса, — закончил юноша.

Эльгер покатавал в голове тяжелую мысль и проронил глухо:

— Но отсюда вытекает так же, что цитадель Закрытые Ворота потеряла свое значение, и что и самому Капертауму в любой момент угрожает нападение. — Рыцарь махнул пажу, и тот подвел к нему гнедого жеребца. — Нужно срочно оповестить остальных дома и короля... — Он запнулся и, обведя глазами присутствующих, решительно поправился: — И ярла Вильгельта.

Озадаченные и встревоженные рыцари садились на подведенных к ним скакунов. Они не понимали, что происходит, только видели, что обычный порядок дел нарушен, и события стремительно набирают скорость.

— Эльгер назвал короля ярлом! — пробормотал себе под нос полковник Эррум так, что его слова с трудом разобрал лишь Баррион. — Что бы это значило? Мятаж?

— Благородный эрл, — обратился к Эльгеру чародей, — статус цитадели пока рано пересматривать. Для этого мало сведений. Мы не знаем, пропустят ли береттеи через свои земли уруктаев, но то, что Капертаум теперь рубежная крепость — конечно, верно. Но не отменяя своего решения. Капертаум расположен на непреступном для штурма берегу. У тебя отлично подготовленный гарнизон. Поручи твоему брату с отрядом войти в город беглецов, пока ты, оставшись в крепости, будешь решать с другими домами политические вопросы. Этот город может быть козырной картой и ключом к успеху. Дай мне в сопровождение оруженосца твоего отца, ты ведь не вполне еще готов довериться мне, и он будет твоей десницей, если я подведу тебя. — Юноша замер, ожидая слова эрла. Рыцари на одетых в латы конях тоже молча смотрели на своего господина.

Эрл опустил голову и задумался, сидя на всхрапывающей лошади. Он давно ждал и жаждал самостоятельности, которую было непросто получить под рукой властного отца. Теперь, когда возникла необходимость самому принимать решения, это оказалось очень непросто. Нет времени даже как следует обдумать последствия своих приказов. Время не ждет. И люди должны верить в своего лорда.

Эльгер, наконец, поднял глаза на ожидавшего брата и произнес:

— Будет так. Иди в лоб — прямо по королевской дороге. Войди в город. Как говорит чародей — беглецы не ожидают чужих и не готовы. Они сейчас как дети в новом для них мире. Им нужна помощь. Мы дадим эту помощь, и они будут наши. — Он сжал руку в перчатке в кулак.

Баррион молча слушал эрла, спокойно глядя на него своими фиолетовыми глазами. Пряди темных волос выбивались из-под кожаного подшлемника. Ни внешностью, ни темпераментом он совсем не походил на своего брата. Посторонний человек с трудом распознал бы их родство. Никакого душевного волнения не отразилось на лице рыцаря.

Эрл Эльгер подъехал к Барриону на расстояние вытянутой руки и с нажимом произнес:

— Брат, наступило время великих перемен. Королевский чародей по дороге расскажет тебе, а я видел доказательство этого своими собственными глазами. Мир соединился. А это значит, что мы больше не вассалы короля Вильгельта. Это звездный час нашего дома. Красный

лев ждет от тебя подвига. Не подведи, брат! Сегодня решается все! — Эрл подъехал еще ближе. Кони, вздрагивая, прижались шеями. Эльгер всматривался в глаза рыцаря невозможного цвета, ища в них радостное волнение или скользкий страх. Баррион видел это. Дыхание лошадей и людей смешалось.

— Как отец, брат? — спросил Баррион. Эльгер на мгновение прикрыл глаза от ветра.

— Не знаю. Без изменений.

— Хорошо, мой эрл, я все исполню, — сказал Баррион с интонацией, которую никогда не мог понять Эльгер. — Лев поднимает меч.

— Лев поднимает меч, — повторил эрл девиз дома Фюргартов, развернул коня и, пришпорив его, поскакал по неровным камням кривой улочки, уходящей к замку. Свита последовала за ним. В воздухе зазвенела мелодия, сотканная из звуков сотен копыт. Каждая подкова начинала свой напев со своим тактом, с тем, чтобы потом слиться в одну общую мелодию, затопившую улочку до крыш каменных хижин.

Рыцари поклонились вслед эрлу, принимая приказ, и тронули кулаками свои грудные пластины.

Полковник развернул лошадь и направился к подходящему по королевской дороге отряду. Сэр Баррион терпеливо ожидал, пока воин поможет юному чародею взобраться на невысокую лошадь.

Путь от Капертаума до урочища, известного как Запретные курганы, занимал походным шагом около часа. Запретные курганы называли еще Могилой Истода. По преданию, Истод был младшим сыном легендарного маркграфа Урбанта, предка всех нынешних ярлов, и его первой и любимой жены Эдин. И хотя погребен Истод, как всем известно, был на крутом склоне Чесночного мыса над водами залива Урбанта, молва утверждает, что именно здесь отчаявшаяся леди Эдин, яростно преследовавшая береттеев, нашла тело своего украденного и растерзанного ребенка. И здесь, на берегу Эльды, что раньше означало «неумолимая», несчастная мать прокляла береттеев и закрыла своим отчаянием северные земли. С того времени ни один обитатель с того, проклятого королевой берега, не мог проникнуть в земли Урбантингов.

Королевская дорога, по которой двигался отряд, была сделана далекими предками на совесть. Хотя она и не везде была вымощена камнем, покрытие было ровное, хорошо утоптанное за прошедшие тысячелетия несчетным количеством ног и колес. Идти по ней было несравненно легче, чем по горной дороге, в далекую цитадель, и воины глядели веселее. Солдаты и офицеры шли в полном облачении. Стальные наплечники и каски тускло поблескивали на солнце. Копьеносцы несли легкие кленовые копыя на плечах, мечники треугольные щиты. Стрелки шли двумя змейками по обочинам. Арбалеты взведены и лежат на левом предплечье. Замыкали обоз подводы, влекомые синими волами, возле повозок шли две дюжины стрелков с длинными луками.

Полковник Эррум ехал позади передовой дюжины, посматривая на разговаривающих между собой Барриона и чародея. Они ехали поодаль от дороги и перебрасывались неслышными ему фразами. Полковник чувствовал себя как возница, отдавший поводья малым детям и вынужденный довериться им на горной дороге. Всю свою жизнь с четырнадцати лет он постигал военное ремесло и страшился авантюрных порывов молодых лордов. Худшее случалось тогда, когда приходилось вести свои отряды на неизвестную цель. Вот как это происходило сейчас. Ярл Дерик беспмятный лежит в донжоне, а молодой эрл отправляет войско на запад по указке королевского чародея. Совсем уж молокососа. Полковник понял только, что этими двумя сотнями воинов и четырьмя рыцарями, включая сэра Барриона и его самого, они должны будут взять какое-то селение, но, молчаливые боги, какое?! Ведь ближайшее поселение Первый Уступ находится в двух лунах пути, и зачем же его брать, если эта твердыня и вся марка##1 Бернов испокон веков в лапах красного льва? Неужели Рейн Берн потерял разум и предал своего сеньора?

##1 М а р к а — административная единица, часто — владения одного лендлорда.

«Уж не намериваются ли они перейти Эльду и потревожить береттеев в их логове?! — пришла полковнику в голову пугающая мысль. — И что говорил мальчишка в капюшоне про то, что твари из Черного леса могут вскоре приходиться из-за реки? — Рыцарь повесил голову в мрачных раздумьях. — И Эльгер назвал короля Вильгельта, своего зятя — ярлом!»

Рядом с полковником Эррумом невозмутимо возвышался на черном коне пугающий его оруженосец Барриона — Утес, а с другой стороны, старательно сдерживая нарастающее беспокойство, ехал оруженосец ярла — Трентон.

Трентон украдкой поглядывал на чародея и мрачнел все сильнее. «Что он знает? Когда эрл сказал, что лошадь Дерика понесла на охоте, мальчишка как-то особенно на него посмотрел. Про чародеев чего только не рассказывают. Если он знает, почему ничего не сказал Эльгеру и потащил за собой?»

Впереди раздался короткий двойной свист разведчика, и сэр Эррум вскинул подбородок.

Баррион встал на стременах и поднял руку, призывая внимание полковника. Старый командир поспешил на зов.

— Полковник, — обратился к нему Фюргарт. — Вам необходимо подготовиться к тому, что я вам сообщу, и воспринять это как факт. На сантименты нет времени, да вы в них и не нуждаетесь. В доме Красного льва вы один из самых лучших командиров, и нам нужен ваш стратегический талант и опыт.

— Да, сэр. Я слушаю, — подтянулся офицер.

— Мир соединился. А это значит, что он изменился. И наши Овечьи Холмы тоже изменились. Это, полковник, первый факт. — Фиолетовыми глазами молодой Фюргарт внимательно смотрел на рыцаря. — Через четверть часа мы должны выйти к Запретным курганам. Королевская дорога, как вы помните, огибает их справа, ближе к реке.

Полковник кивнул.

— Так вот, Запретных курганов там не будет.

— А что же там будет? — недоверчиво спросил он.

— Там будет большой город чужаков, о котором говорил эрл. И этому новому поселению мы должны настойчиво предложить свое покровительство. Город лежит в наших землях, и мы в своем праве.

Старый полковник нахмурил брови и поворочался в седле, поправляя меч на бедре и подбирая слова.

— Хорошо, давайте выйдем из леса и возле старого остролиста увидим убегающие Запретные курганы, — наконец сказал он.

— Этот ответ меня устраивает, — улыбнувшись одними уголками губ, сказал Баррион. Глаза его, как всегда, остались непроницаемы.

Сэр Эррум потянул вбок лошадь за поводья, но потом повернул ее назад и озабочено спросил:

— А в этом городе... беглецов есть крепость и гарнизон?

Фюргарт повернулся к чародею, перенаправляя вопрос.

— Этого мы пока не знаем, сэр рыцарь, — отвечал ему юноша. — Но я полагаю, что они даже не знают о нашем существовании, не понимают, куда попали и что происходит, а тем временем мы идем к ним...

— Будто мы знаем, что происходит, — проворчал рыцарь, поворачивая коня, но, похоже, он отчасти был удовлетворен таким ответом.

— Скажи, чародей, — обратился к нему Баррион, — ведь это не единственные люди и земли, которые попали в наш край? Возможно, мы теперь живем совсем в другом Восточном Пределе, который и нам не очень знаком.

— Да, это справедливо, милорд. Но когда беглецы разорвали пространство и ушли, по преданию, они взяли от этого мира совсем немного. Их мир ничтожно мал по сравнению с оставшимся нашим, и теперь, когда он пророс назад, в большой мир, я думаю, он не изменит его катастрофически. Но, конечно, нас ждут сюрпризы... и еще: я чувствую огромное количество людей. Это полностью мир людей.

— Мы вынуждены положиться на предания и твое чутье?

— Раскол мира произошел в легендарные времена, и других источников, кроме преданий, у нас пока нет. — Юноша бросил взгляд из-под капюшона на Барриона. — Все, что происходит в эти дни, в свою очередь должно стать легендой, и ты, благородный рыцарь Баррион, будешь героем этой легенды.

Фюргарт равнодушно пожал плечами. Он открыл седельную сумку и вынул на свет замысловатую безделицу, которую крутил по дороге в Закрытые Ворота.

Рыцарь протянул ее чародею.

— Что скажешь, Суток, об этой вещице?

Чародей с интересом осмотрел шкатулку и потрогал движущиеся грани.

— Интересный материал, легкий и прочный. Напоминает миктрельскую березу, но, конечно, не она.

— Не думаешь же ты...

— Да, эта штучка определенно из мира беглецов. Здесь особое ощущение... Похоже, они могут быть очень искусны. Как она попала в руки рыцаря? — Он вернул кубик Барриону.

— Купил сегодня утром у городского мальчишки. Разбойник выторговал за него полфюринта. Он теперь местный богач, — ответил Баррион.

— Мир беглецов как-бы вырастает в наш, это происходит неравномерно, — объяснил чародей. — Где-то большими областями, где-то совсем маленькими. Отдельные артефакты могут проявиться где угодно. Причем это взаимно для обоих миров.

Фюргарт слушал, но на лице его не отражалось ни удивления, ни особого интереса. Зато чародей смотрел на собеседника с откровенным любопытством: неужели его ничем нельзя расшевелить?

— Должен вам сказать, рыцарь, — наклонил голову Суток в сторону Барриона, — что за нами уже с милю бежит голован и не особо скрывает этого. Вот уж у кого нюх на события. — Юноша кивнул головой вперед и вправо.

Баррион взглянул в указанном направлении, придерживая лошадь и съезжая с дороги: мимо них бодро маршировали воины. Минуя молодого Фюргарта, солдаты старались принять бравый и воинственный вид.

— Это неспроста. А, Суток, что скажешь? У меня однажды была очень памятная встреча с голованом.

Рыцарь поднял правую бровь. Наверное, это нужно было воспринимать как проснувшееся любопытство.

— Конечно, неспроста. Тем более этот голован мне знаком.

— Вот как. Значит, вы имели с ними дело. Как же вы их различаете.

— По рисунку белых пятен на морде и лапах, по воротнику. Это — Эрргх.

Короткомордый пес с замысловатым рисунком черных и белых отметин выскочил из подлеска, замер на миг на песчаном взгорке, коротко глянул в сторону всадников и исчез за большим деревом.

— Ушел?

— Этого ему было достаточно. Наверняка, пол-отряда его заметило. Голован показал нам, что мы здесь не одни, и он присматривает за нами. В каком-то смысле это предостережение от необдуманных поступков, — произнес чародей, глядя в глаза рыцаря.

Баррион тронул пятками коня и некоторое время ехал, задумавшись, опустив глаза на дорогу.

— Вы, конечно, знаете мою сестру, леди Альду? — спросил Фюргарт.

— Королеву? Очень хорошо знаю, — охотно ответил юноша, — она всегда очень добра ко мне. Когда я появился при дворе, она проявила участие к моей судьбе и оказала покровительство. Мы много разговаривали. Она интересовалась моей родиной — Мальми Фестами и моим обучением на Вдовьих островах. Благодаря ей я получил неограниченный доступ к королевской библиотеке, там оказались очень неожиданные манускрипты. На Вдовьих островах их считали утраченными...

Рыцарь перебил его:

— Разве сейчас леди Альде и маленькой леди Узоне не потребуется самим покровительство? Мир изменился. Прежние клятвы больше недействительны. Вряд ли гордые ярлы поспешат в Эдинси-Орт подтвердить клятвы преданности. — Рыцарь внимательно смотрел на чародея фиолетовым взглядом. — Ты ведь слышал эрла Эльгера. Даже он больше не считает Вильгельта своим королем. А ведь через сестру и малышку Узону мы с ним породнились.

Юноша согласно кивнул.

— Поэтому я оставлял Эдинси-Орт с тяжелым сердцем. Меня ведет мой посох... Хотя королеву любят, и она умеет делать... друзей. Если что-то произойдет, я надеюсь, что они не оставят королеву. Жаль, что в столице сейчас нет сэра Ассандра Биорка. Я бы был за королеву вполне спокоен.

— Биорк... Я был совсем мал, когда он покинул Капертаум. Не помню его. Отец его был прежним нашим управляющим. Сенешалем.

Чародей задумчиво качал головой в такт лошади.

— В самой королевской марке тоже не все просто, — добавил он. — Знаешь ли ты, мой лорд, что-нибудь про секретаря канцлера Ахетона?

Баррион пожал плечами.

— Никогда не слышал такого имени.

— Немудрено. Уверен, что никто из благородных рыцарей никогда не слышал о каком-то секретаре, а вместе с тем многие горожане в столице связывают свои чаяния с этим именем. Если трон Вильгельта закачается, много найдется рук, желающих подтолкнуть его. Насилие... Слишком много людей в королевской марке готовы к насилию.

— Кстати, скажи, Суток, правду ли я слышал, что в твои руки попали лесные гоблины, и ты отпустил их невредимыми? — не глядя на чародея, сказал Баррион.

— Это была перепуганная молодая самка с двумя цеплявшимися за нее детенышами. Их унесло на дереве в залив Урбанта.

— И что ты сделал?

— Просто заклятием направил дерево в сторону берега Закрытых земель, — спокойно ответил чародей. — Не умножай зла...

— Утопить зловую тварь и ее отродье — зло? — Рыцарь взглянул собеседнику в глаза. — Все же, чародей, почему ты с нами? Зачем мы тебе?

Юноша молча смотрел перед собой поверх идущих воинов, потом перевел взгляд на Фюргарта.

— Я помогу Красному льву вернуть свою корону, а Лев поможет мне ввести в этот мир невредимым великого волшебника.

— Вот какую сделку ты заключил с Эльгером.

На повороте дороги, повторяющей меандр##1 реки, стоял разведчик и руками посылал отряду серию знаков. Легкий ветерок шевелил на нем и его лошади узкие полоски ткани, на таком расстоянии всадник почти сливался с подлеском.

##1 М е а н д р — извилина, излучина в течении реки.

Полковник Эррум прищпорил лошадь и выехал по обочине вперед отряда. Его сопровождал ординарец. Они подъехали к разведчику, и рыцарь, наклонившись, стал изучать что-то на дороге. Ординарец соскочил с лошади, вынул из ножен короткий меч и опустил острие на землю.

Баррион стал спускаться к дороге. Он видел движение офицера и слышал странный звук. Что они там нашли?

Полковник выпрямился в седле и развернул корпус навстречу подъезжающим к нему Фюргарту и чародею.

— Вепрь меня разбери, дорога выложена каким-то каменным ковром! — воскликнул он. — Сплошным покровом.

Серо-черное покрытие дороги неровной линией начиналось на плоских камнях и шло гладкой лентой, насколько видел глаз. Воздух над странным покрытием слегка дрожал, как над горячим песком пустоши.

Баррион въехал на него, копыта лошади звонко зацокали по черному коври. Он остановился и принюхался.

— Пахнет земляным маслом, — сказал он своим спутникам.

— Да, милорд, — подтвердил ординарец полковника. — И выглядит как свернувшаяся земная кровь. Закаменевшая. — Он звякнул мечом по покрытию.

— Думаю, что мы уже вошли в новые земли, — сказал Баррион офицерам. — Впереди ожидается много удивительного. Нам нужно будет к этому привыкнуть и не подавать вида, или это плохо скажется на солдатах.

Фюргарт послал коня вперед и рысью поскакал по звонкой дороге. Остальные рыцари поспешили за ним. Ординарец полковника поднял руку, и весь отряд, лязгнув амуницией, шумно сдвинулся с места.

За поворотом лес расступился, и открылось широкое пространство. Высоко в небе невидимый жаворонок заливался умиротворяющими трелями. Справа на обочине дороги в полете стрелы стоял одинокий остролист. Большое древнее дерево широко раскинуло толстые узловатые ветви-руки, покрытые темно-красными листьями. В ажурной тени у самых корней гиганта белел покосившийся каменный верстовой столб.

Все остановились, осматриваясь. Чародей толкнул свою невзрачную рыжую лошадку вперед и устремился к лесному патриарху. Не медля, прищпорив коня, за ним последовал Трентон.

Полковник недоуменно округлил глаза, призывая в свидетели окружающих.

— Остролист на месте, но Запретные курганы исчезли. — Он потрясенно указывал на крестьянское ухоженное поле, усеянное ровными рядами синевато-зеленых кочанов капусты.

— А вот, рыцари, и наша цель, — указал вперед подбородком Фюргарт на аккуратные домики с красной черепицей, скрывающиеся рядом высоких каштанов.

Он поправил нашлемник и снял с луки открытый посеребренный шлем. Грозный Утес, прищпорив коня, подскочил к лорду, поднимая на древке копьа оранжевое полотнище с красным львом, и занял привычное место впереди и справа от своего господина.

Глава 3. Ассандр Биорк

Контракт есть контракт, а эта сделка была сполна оплачена почти десять лет назад и начинала тяготить сны морского волка.

Шхуна «Утренняя звезда» упрямо прокладывала свой путь наперекор взбесившимся водам Северного моря.

Вздываясь над бортами, волны падали с грохотом на корабль, окатывая палубу веером жалящих капель. Неистовый ветер раскачивал стонущие мачты и рвал косой парус, закрепленный на бушприте. За последний час матросы уже второй раз меняли кливер на новый. Привязавшись веревками, они пробирались на четвереньках по вздыбившейся палубе. Боцман оставил на палубе только небольшую команду самых бывалых моряков, остальные были отправлены в трюм.

Капитан «Утренней» Ассандр Биорк отпустил рулевого и, привязав себя линем за ремень, сам встал за штурвал.

Четыре часа продолжалась борьба человека со стихией. Море неистовствовало, слепило пенной водой и крутило судно, как игрушку. Капитан упрямо выводил шхуну на верный курс. Широко расставив ноги в высоких кожаных сапогах, блестя черным мокрым плащом, он яростно шурился на вспышки молний, бьющих в морскую пучину, и сквозь сжатые зубы отвечал замысловатой бранью на раскаты грома.

Капитан был уверен в своей шхуне и команде, как в себе самом. Главной его заботой было держаться далекого берега справа. Крабья Клешня, северо-западная оконечность Закрытых земель. Это был главный ориентир в походе на Вдовьи острова. Нельзя было приближаться к Клешне, чтобы не налететь на многочисленные скалы, многие из которых ждали тебя сразу под водой, но и потерять его из виду — значит, уйти в открытое море и пропустить цель.

Морским чутьем Биорк чувствовал, что море начало сдаваться, и голос ветра поет уже не так непреклонно. Нужно лишь так же хладнокровно и твердо направлять нос корабля на очередной вал, и наградой будет ясное небо и свежий крепкий ветер, который домчит шхуну к островам чародеев на несколько дней быстрее.

Капитан Биорк славился своей удачливостью и равнодушием к капризам Северного моря. Когда тяжелые корабли купцов западных земель прятались от шторма в тихих гаванях, Ассандр бил по рукам с очередным клиентом и загружал трюм тканями Реиндола или оружием Гента, пополнял запас свежей воды и провизии и направлял свою быструю шхуну в разыгравшееся море. И если местные лоцманы отказывались выводить его из порта даже за увеличенную плату — недолго думая, уходил сам.

Бывалые моряки в портах были не прочь попасть к нему в команду. Капитан «Утренней звезды» платил вдвое против других, и, если случался большой куш, вся команда получала свой приз и ходила по улицам портовых городов лордами. За это их с радостью привечали все трактирщики и веселые девицы. Моряки держались за свои места и покидали палубу счастливой шхуны, только когда решали окончательно осесть на берегу. Поэтому редко на «Утренней» появлялась вакансия.

Капитан Биорк охотно брался за дальние рискованные рейсы и, бывало, отклонял выгодный грузовой контракт на рейс по давно известному маршруту в пользу экзотического похода с деликатной миссией. Несмотря на то, что капитан не гонялся за монетой, дела шли вовсе неплохо. Репутация Биорка как лучшего шкипера Северного моря делала свое дело, и клиенты с толстой мошной не переводились.

Скалистый берег Крабьей Клешни темнел угрюмой стеной под низкими сливовыми тучами. Впереди, дальше на восток, он обрывался на последнем остром мысе. Здесь маршрут

уводил шхуну на север прочь от пустынных берегов Закрытых земель. Даже береттеи избегали селиться на этих неприветливых скалах.

Подсвеченная вспышкой молнии появилась сумрачная фигура боцмана. На груди его поблескивала начищенной медью сигнальная дудка.

— Бом-кливер поставлен. Может, сменитесь, капитан? — спросил он с укоризной.

Биорк отрицательно покачал головой:

— Пока — сам. Еще две склянки, пока не взойдет Селена.

Солнце на западе на несколько коротких минут сверкнуло острыми лучами в узкой полосе очистившегося неба между морской пучиной и черно-фиолетовыми тучами, и тьма обняла корабль мягкими лапами. Поворачивая шхуну влево, капитан бросил последний взгляд на низкий берег и увидел цепочку слабо мерцающих огоньков, разом усеявших в темноте далекую Клешню. Капитан и боцман обменялись взглядами.

— Это — что-то новое... — сказал растерянно бывалый боцман.

Однажды много лет назад, когда шхуна стояла в порту Ригата, молодой капитан был приглашен в замок к верховному мейстеру Вдовьих островов.

Нужно признать, что Биорк был польщен и заинтригован. Мейстер Воон сам никогда не покидал замка, возвышающегося в сердце острова Ригат, и редко кто удостоивался аудиенции главного чародея.

Капитан надел черный камзол, украшенный серебряным шнурком, черные лаковые сапоги и сменил потрепанную морскую фуражку на широкополую шляпу. На пояс он повесил короткий гентский меч в богатых позолоченных ножнах. Стараясь не показывать, что нервничает, отдал необходимые распоряжения старшему помощнику. О чертогах мейстера Воона болтали всякое.

В замок Биорка сопровождал молчаливый служка в коричневой сутане. Он ехал впереди на сером лопухом ослике вверх по узким улочкам Ригата. Утреннее солнце освещало яркие черепичные крыши домов. Портовый город амфитеатром лежал на склонах полукруглой бухты. С последней верхней улицы он был весь напоказ, как праздничный пряник. Свежий морской ветерок пытался сорвать с капитана непривычную ему шляпу. Ассандр придерживал ее за широкое поле одной рукой.

Потом они долго ехали по плутающей дорожке между желтых скал и попали в великолепный Верхний лес. Деревья здесь были похожи на колонны в торжественном чертоге. Свет, проникая сквозь высокие кроны, разбивался на золотые и серебряные подвижные блики, вольно перемещавшиеся по изумрудной траве и мхам. Лес был наполнен звуками поющих и переговаривающихся птиц. С цветка на цветок перелетали яркие бабочки и стрекозы. На тропу за проезжающими путниками выходили любопытные темноглазые косули.

Море сделало Ассандра жестким и сильным, всегда готовым к быстрым и решительным действиям. Еще совсем молодой мужчина, едва вышедший из юношеского возраста, он смотрел на мир трезвым и серьезным взглядом. Детство его кончилось одним днем, когда он однажды отправился через полстраны из родного дома в королевский порт. С того первого путешествия Биорк всегда был настороже, особенно на суше, и немногословен порой до угрюмости с незнакомцами.

Сейчас Ассандр опять чувствовал себя очарованным маленьким мальчиком, без памяти зачитавшимся волшебной сказкой в библиотечной башне Капертаума. Как не похож был наполненный нежным светом и почти ручными животными лес Ригата на дремучие дебри Восточного Предела! Капитан обнаружил в себе позабытую способность к расслабленному созерцанию, не обремененному беспрестанным анализом.

За быстрым и неглубоким ручьем, который его лошадь перешла, лишь слегка замочив икры, лес расступился. Открылся окруженный невысокой желтой стеной изящный замок.

Стены его были сложены из кремового песчаника, остроконечные башни покрыты зеленоватым сланцем. Сужающиеся кверху длинные окна застеклены цветными витражами в свинцовых окладах. На шпилях — двухцветные, алые с белым длинные вымпелы.

Путники спешили, и подбежавшие мальчики в коричневых рубахах увели лошадь. Ассандр огляделся вокруг и посмотрел на замок с живым любопытством. Он ожидал чего-то удивительного. В сердце острова Ригат десятки мальчиков со всего Восточного Предела и даже окрестных земель обучались волшебному мастерству. Где, если не здесь, ты вправе ожидать встретить чудеса?

Со ступенек сводчатого портика спустился высокий благообразный старик с длинной седой бородой и посохом, причудливо свитым в кольцо на вершине.

Ассандр сначала решил, что это и есть верховный чародей. Но внушительный старик, поприветствовав гостя, представился как мейстер Ив. Вежливо справившись, как прошло путешествие, он проводил капитана через высокие бронзовые двери и ввел его в большое открытое помещение: величественный зал с очень высоким потолком и окнами от пола до самого верха. Между окон свисали длинные знамена с вышитыми волшебными животными: грифонами, кентаврами, химерами. На стене напротив окон размещался невероятных размеров гобелен, изображающий встречу маркграфа Урбанта с волшебником Мериотом.

Зал был торжественно пуст, только на небольшом отдалении виднелась фигурка мальчика лет десяти, который держал руки поднятыми в луче света, падающего сверху. Кисти ребенка делали какие-то быстрые движения.

Здесь седовласый старец поручил сопровождать Биорка щупленькому пареньку с живыми любопытными глазами. Тот повел гостя по высокой мраморной лестнице, зигзагами поднимающейся вдоль одной из стен зала. Биорк мог сверху обозреть внушительное помещение. Оно было наполнено мягким светом, падающим из окошек купола. Фигурка мальчика далеко внизу продолжала делать пассы руками. Капитан наблюдал за ним, поднимаясь по ступеням, пока его глаза не поравнялись с огромной бронзовой люстрой, украшающей зал. Здесь был небольшой проход в стене. Вслед за провожатым Биорк свернул с лестницы и прошел по длинной, освещенной факелами галерее.

— Что он делает, тот мальчик внизу? — спросил Биорк своего спутника, живо оглянувшегося на вопрос.

— Это Тиис — новенький. Он ткет заклинание из луча света, — охотно ответил паренек. — Так проще. Нам сюда.

Палаты верховного мейстера находились в небольшой башне, ярко освещаемой полуденным солнцем через многочисленные узкие окошки.

Главный чародей этой части мира был невысоким мужчиной неопределенного возраста с круглой лысеющей головой. На мягком постном лице покоилась тихая улыбка. Самой выдающейся чертой невзрачного лица волшебника были густые короткие брови. Черные, как два жука-олени, наклонившиеся друг к другу перед смертельной схваткой. Слабый подбородок украшала очень длинная, но реденькая бородка. Мейстер Воон сидел за широким пустым столом, на котором лежал только один свиток, расправленный и прижатый на концах камнями с металлическим блеском.

Когда Ассандра ввели в помещение, чародей неожиданно проявил завидную прыть. Он немедленно соскочил с высокого кресла, используя посох как опору, и засеменял к капитану на коротких ногах. Пол устилал толстый ковер, и мейстер двигался бесшумно.

Капитан немного смешался. Он был застигнут врасплох таким приемом и, не зная, как правильно обратиться к чародею, коротко поклонился, прижав снятую шляпу к груди.

— Мой господин, благодарю за честь, которую вы оказали мне этим приемом.

Приблизившись, великий мейстер оказался ростом с двенадцатилетнего мальчишку и доставал Ассандру лишь до нагрудного значка гильдии мореходов.

Чародей улыбнулся еще шире и гостеприимно протянул руку в сторону окна, широкий подоконник которого служил в качестве кушетки.

— Прошу вас, господин Биорк. Я очень рад, что вы откликнулись на мое приглашение. Сам я, к сожалению, не имею возможности покинуть замок. Прошу, устраивайтесь поудобнее — нам с вами нужно поближе познакомиться и о многом потолковать.

Когда они уселись на мягких подушках, рост их почти сравнялся, и неловкость Биорка пропала.

— Я много о вас слышал, капитан, и очень лестного. Вы так молоды, а вместе с тем широко известны, как лучший моряк Северного моря, — сказал мейстер, лучась от дружелюбия. — Прошу вас, поведайте мне, как представитель клана истинных горцев стал таким морским волком? Ведь ваш род Биорк-Урбантингов издревле славен в предгорьях Драконьего хребта, и фамильное ваше гнездо — Биорк-Долл. Не так ли?

— Да, мой господин, — ответил немного удивленный Ассандр, — твердыню нашу чаще называют Красный Зубец, она лежит на полпути от Капертаума к Закрытым Воротам — цитадели, что охраняет перевал через Драконий хребет. Чейн-Туган.

Чародей согласно покивал головой.

— По правде говоря, от твердыни мало что осталось. Руины, поросшие плющом и деревьями, по которым скачут козы. Даже в главном доме, где живет мой отец, протекает крыша, и из слуг у него лишь старый привратник с женой. Красным Зубцом крепость и поселение вокруг нее называют по треугольной сторожевой башне.

— Но вы провели детство в Капертауме, верно?

— Да, высокочтимый милорд.

Чародей отмахнулся.

— Говорите мне просто — мейстер. И как же прошло ваше детство? Были ли вы счастливы?

Биорк замолчал и перевел взгляд за распахнутое окно. За проемом расстилался величественный простор. Царство воздуха и света. Высокий лес далеко внизу, за ним ниже — крохотные красные крыши Ригата, порт и безбрежное искрящееся море. Вершина мира.

— Да, был, — ответил он.

В памяти непрощенно всплыла далекая сценка: девочка протягивает узкую ладошку. Доверчиво смотрит синими глазами в его лицо снизу вверх. Мальчик осторожно сжимает розовые холодные пальчики и чинно, затаив дыхание, ведет свою даму по кругу, отведя левую руку за спину.

Биорк отвернул лицо от окна. Чародей внимательно всматривался своими темными глазами в его лицо. Брови-жуки сблизилась, молчаливо угрожая друг другу.

— Мой отец — сэр Гедерик Биорк служил управляющим ярла Дерика Фюргарта с того времени, как в Биорк-Долле вторыми родами умерла моя матушка. Мы с отцом перебрались в Капертаум. И я помню себя только с этого времени. Я рос и учился вместе с детьми ярла. Фюргарты были очень добры. Они любили нашу семью и доверяли отцу. — Ассандр поерзал на подушках. Ему ужасно хотелось расстегнуть шелковый камзол.

— Очень хорошо. Фюргарты — достойный дом. Растить в такой семье это благо для мальчика. — Чародей ободряюще улыбнулся. — Вы, наверное, овладевали всеми достойными маленького сквайра науками. Фехтованием и верховой ездой...

Ассандр отвел глаза на далекое море.

...Большая весенняя охота на чистокровных конях едет по притихшим Овечьим Холмам. Настоящих — тех, которые лежат к востоку от Капертаума и которые дали свое название всем владениям Фюргартов.

Впереди взрослые: ярл, его жена — леди Стиона, оруженосцы, ординарцы, рыцари, лесничие, загонщики. Их окружает возбужденная свора легавых, повизгивающих от нетерпения.

Позади, весело переговариваясь, дружным рядом едет молодежь. Юная леди Альда гарцует по правую руку от Ассандра. На бледных щеках нежный румянец оживления. Ассандр наклоняется к ней и что-то негромко говорит. Принцесса закидывает светлую головку в бархатном зеленом берете и звонко смеется. Ярл оборачивается и смотрит назад на дочь, на жену, потом задумчиво смотрит на сэра Гедерика...

— Вам не рассказывали обо мне? — спросил чародей и дотронулся до колена капитана. — Мой отец был кожевником из глухой деревушки. Я в двенадцать лет знал только, как хорошенько освежевать телянку и продубить кожу. — Он довольно засмеялся и даже несколько раз хлопнул в ладоши.

Капитан Биорк вежливо наклонил голову, отвечая на шутку великого мастера.

— Да. Науки... Старый учитель Верн, вечно тоскующий по своей солнечной родине. Он был добр к нам. Уроки в библиотечной башне. Ершистый Эльгер, принцесса Альда... маленький, цепляющийся за ноги Баррион. Я долго привыкал жить без них.

— Прекрасное начало. — Мастер достал из рукава плоскую коробочку и выбрал два темно-зеленых листочка. — Образование, покровительство Фюргартов. Они очень влиятельны в королевстве Восточного Предела. Вы могли бы сделать карьеру в королевской гвардии или возродить славу Биорк-Долла. Почему же вы избрали для себя такую стезю?

...Как сияли глаза принцессы Альды, когда она вернулась с королевского бала. Как горд был ярл. Польщена леди Стиона. Их дочь-дебютантка покорила кронпринца Вильгельма. Кронпринц просил ее руки.хлопоты, приготовления. Назначена дата обручения.

Ассандр, подрагивая, с нарастающей пустотой в душе выслушал восторженный шепот Альды о прекрасных и добрых глазах Вильгельма. Принцесса по-прежнему хотела делить свои тайны с верным другом детства, ее рыцарем Ассандром. Имя прекрасного принца с нежностью слетало с полудетских губ леди Альды беспрестанно. Она была влюблена и очарована. И сожалела только о том, что свадьбы не будет, пока ей не исполнится пятнадцать лет.

Юный Биорк под благовидным предлогом удалился, взял в конюшне самого злого жеребца и ускакал в холмы. Он прищипоривал черного горячего коня, пока бедное животное не покрылось пеной. Конь тяжело дышал, по мышцам пробегала судорогой мелкая дрожь. Тогда Ассандр соскочил с него и повел за узду шагом. Животное тяжело дышало и косило на юношу карим глазом.

Он чуть не загнал вороного. Ему было стыдно.

В крепость Ассандр вернулся к вечеру. Провел коня через оранжереи со стороны холмов. Завел его в стойло, сам обтер скакуна влажной мочалкой и насыпал полную кормушку ячменя.

На душе было пусто. Биорком овладели равнодушие и усталость.

По лестнице он поднялся в библиотечную башню — к себе Ассандр идти не хотел. Он зажег лампу для чтения и прошел по старым полированным доскам вдоль высоких стеллажей армариума. Пахло воском и книжной пылью. Ассандр бездумно протянул руку и снял томик в изумрудной обложке, который прибыл с последним купеческим обозом. «История Гантейского союза вольных городов».

Читать тоже не хотелось. Он не знал, куда себя деть.

Возле большого окна стояло несколько парт напротив черной доски. Здесь учитель Верн давал им уроки. Грамматика, география, история, математика.

Ассандр сел на свое место и посмотрел вперед на парту, за которой на уроках сидела Альда.

Здесь ему открылся большой мир, лежащий за стенами Капертаума; имена героев прошлого, прославивших свой меч; благородных прекрасных дам. Храбрые Урбантинги завоевывали Восточный Предел, истребляли гоблинов, проливали свою кровь на бастионах, преграждающих дорогу к мрачному подземному городу уруктаев, захватывали перевал Чейн-Туган и строили первые твердыни, противостояли железным баронам Узких земель.

— Я знал, что найду тебя здесь.

Ассандр поднял голову. С зажженной лампой и книгой отчетов, прижимаемой к боку, перед ним стоял его отец. Помедлив, он сел за соседнюю парту и положил на нее тяжелый гроссбух. Приблизил близорукие глаза к лампе и поправил фитиль.

— Ходил к леди Стионе с отчетом. В следующем году планируется свадьба. Считали, во сколько это обойдется. — Он смотрел с грустью на своего сына. Тот молчал и смотрел тусклыми глазами.

— Хорошо, что этим все кончилось, Ассандр. Я не знал, что мне делать, и ждал каждый день беду. Я совсем не боюсь за свое место, сынок. Я боялся за вас. Молодость безоглядна — я еще помню это. Хорошо, что принцесса полюбила кронпринца. И все разрешится свадьбой. Подумай, чем бы кончилось все, если бы Альда не видела в тебе почти брата? И заслужил ли этого ярл?

— Да, Фюргарты всегда относились к нам, как к ровне. Хотя они так богаты и влиятельны, — через минуту проговорил деревянным голосом Ассандр. — Я не могу сказать ни слова упрека. Она сделала свой выбор... и выбрали ее... А что мне теперь делать?

— Уезжай, сын. Мне, старику, будет горько, но уезжай. Тебе уже пятнадцать лет. Ты владеешь мечом и пером хорошо в равной мере. Это — завидный багаж. Любой лендлорд возьмет юного Урбантинга в свою дружину. Даже королевская гвардия открыта для тебя. Ярл, несомненно, даст тебе все рекомендации. А я после твоего отъезда буду проситься в отставку. Давно уже вынашиваю мысль вернуться в Биорк-Долл и привести наше заброшенное фамильное гнездо в порядок...

Ассандр очнулся от воспоминаний. Верховный чародей терпеливо ожидал ответа от задумавшегося капитана, поглаживая редкую седую бородку и шевеля бровями. Биорку было отчего-то нехорошо под этим доброжелательным взглядом. Немного ныли виски, и похолодели руки, словно он наелся эльфийской ягоды.

— Видимо, в детстве я слишком начитался книг о море и далеких землях, — ответил, наконец, Биорк. — У меня была возможность попасть в гвардию. За меня хлопотали. Но в Эдинси-Орте я увидел море и порт. Корабли на рейде. Развивающиеся вымпелы на мачтах. Крики чаек. И решил заделаться моряком и увидеть весь белый свет.

— И юного сквайра взяли в матросы? — улыбнулся мейстер, наклонив голову.

— Я добирался до столицы несколько лун. Слуга, мальчишка из конюшни, сбежал от меня еще в Первом Уступе. Не помогли даже посулы полуфоринта. Пока я добирался в королевскую марку, платье поистрепалось, да и несло от меня уже наверно кислым сыром, — тоже улыбнулся капитан, непроизвольно дотрагиваясь до виска. — Вместо меча я повесил на пояс матросский нож и зашил в подкладку куртки несколько оставшихся монет. Меня взяли юнгой на корабль, уходящий в Бизан. На эту самую шхуну, где я теперь капитан. На «Утреннюю звезду».

— Стремительная карьера — за пять лет из юнг в капитаны, — отметил мейстер, тщательно выбирая в узорчатой коробочке еще один темный листочек.

— Это долгая история и малоправдоподобная, — согласился Биорк.

— Я немного наслышан о ней, и поэтому я пригласил вас. В Северном море не найдется другого моряка с такой репутацией. Отважный капитан, безупречная честность. — Чародей подвигал бровями, приступая к цели беседы.

— Однажды мне понадобятся ваше мастерство и храбрость, и я готов щедро заплатить за эту предстоящую услугу. Сейчас и сполна. — Чародей резво соскочил с подушек, опять помогая себе посохом, и зашагал короткими ножками по узору ковра, показав привставшему Биорку рукой, чтобы он продолжал сидеть.

— Я хочу, чтобы мы заключили отложенный контракт. По всем правилам, так, как это принято в вашем деловом мире.

Ассандр согласно наклонил голову, показывая, что слушает. Чародей продолжал:

— Когда наступит время, ты, капитан, на своей быстрой шхуне должен будешь немедленно прибыть на Ригат и выполнить миссию перевозчика.

— Как я узнаю, что это время пришло?

— На землях ярла Оустина, на полуострове Палец растет дерево титанов. — Чародей сделал паузу, ожидая реакции капитана.

— Я знаю это мертвое дерево. Оно стоит на высоком мысу и видно издалека, словно маяк, — подтвердил Ассандр.

— Вот когда ты увидишь, что это мертвое дерево ожило и оделось листвой... Даже если до тебя дойдет только слух, что это произошло... — где бы ты ни был, что бы ты в этот миг ни делал — ты бросишь все дела и немедленно устремишься сюда, в эту гавань. Здесь тебя будет ждать ценный груз. Пункт назначения ты узнаешь, погрузив этот груз на борт.

Капитан был озадачен и заинтригован.

— Это и будет наш контракт?

— Да. И плату во исполнение его ты получишь прямо сейчас. — Чародей остановился и приглашающе протянул руку, указывая на каменный столик на одной ножке. На нем стоял сундучок из золотистого каштана, отполированного до металлического блеска. Биорк подошел к нему и открыл крышку. Сундук был полон монет красного и белого золота разного размера и достоинства: от форинтов до империалов. Между кругляшами металла сверкали разноцветными гранями самоцветы, и тускло поблескивали серебристые и черные шарики морского жемчуга.

Капитан медленно закрыл крышку — на эти деньги можно купить небольшой город или нанять войско наемников. Он был ошеломлен. Слишком большой куш.

— Положи руку на сундучок, Санди, — сказал мейстер.

Капитан вздрогнул — так в далеком детстве называла его на ушко бедная матушка. Никто не знал этого ласкового прозвища. Ассандр сам забыл его и внезапно вспомнил только сейчас, когда чародей произнес его. Поколебавшись, капитан протянул руку и положил на полированное дерево.

Мейстер прошептал несколько слов и несильно ударил посохом о пол. Ковер скрыл звук. Створки сундучка с хищным звуком сомкнулись.

— Теперь открыть его сможешь только ты. Сам по себе он стоит небольшое состояние. Это ларец «Мертвый замок». Не страшись этих денег, капитан. Для пустого человека богатство представляет опасность, а в твоих руках эти деньги будут созидать и приумножаться.

Чародей подошел к моряку поближе и протянул ему в детской ладошке серебряную брошь в виде трилистника, вписанного в круг.

— Возьми ее. Не нужно носить это на одежде, капитан, но если будет крайняя необходимость — извлеки ее, и ты сможешь рассчитывать на помощь нашего скромного братства.

Ассандр с благодарностью взял брошь. Это было значительно больше, чем он мог ожидать. Только ради права пользоваться этим символом следовало заключить контракт. Покровительство ордена Трилистника значило очень много. С орденом никто не хотел враждовать, а бывшие воспитанники Ригата были почти в любом крупном городе.

Когда контракт был заключен, сказаны все надлежащие слова, и Биорк намеревался покинуть палаты верховного чародея, тот вдруг поймал капитана за обшлаг шелкового камзола, словно ребенок, и задушевно произнес, заглядывая в глаза снизу вверх:

— Капитан Биорк, в твоей душе сидит заноза неразделенной любви. Она не дает тебе насладиться собственной жизнью, не дает тебе покоя и гонит тебя по свету. Хочешь, я вырву это жало, и имя королевы Альды не будет волновать более твою кровь?

...Биорк ехал за прежним проводником через волшебный лес, глубоко погрузившись в мысли, он не жалел, что отказался от последнего предложения чародея. Он пытался понять, как

получилось, что в ясном сознании он подписал контракт, сути которого сам не понимал. Да, ему предложили очень много. Слишком много. Но это уже случалось и раньше, когда клиент пытался заплатить за лояльность. Биорк все равно всегда в любой авантюре докапывался до понимания цели предприятия и своей роли, прежде чем ударить по рукам.

Биорк вспомнил шевелящиеся брови-жуки чародея, мурашки на руках и всплывающие воспоминания. «Он копался в моей голове, — понял внезапно капитан. — Он все это видел. И не скрывает, раз назвал меня детским прозвищем, о котором я сам успел позабыть».

Лес вокруг вдруг потерял свое очарование. Краски цветов и трав стали казаться слишком яркими — неискренними, как у ядовитых грибов. Животные — шпионами.

Лошадь капитана остановилась в давешнем ручье и потянулась губами к искрящейся воде. Биорк потянул за уздечку и не позволил ей напиться. Сумрачное и настороженное настроение овладело им. Он внезапно достал из кармана камзола брошь чародея и взвесил в руке над журчащей водой. Поколебавшись минуту, он криво ухмыльнулся и положил брошь обратно.

Эта аудиенция была в начале цикла, в Вересковом году. Много всего произошло за эти девять с лишним лет. Когда Биорк заключил отложенную сделку, он сумел правильно распорядиться доставшимся ему состоянием. Хотя деньги были получены вперед, и раньше в таких случаях капитан не прикасался к ним, пока все обязательства не будут исполнены, — здесь был особый случай. Нельзя было позволить содержимому сундука превратиться в бесполезное сокровище.

Посоветовавшись с одним прожженным судебским стряпчим, Ассандр вложил в полоску земли между скалами и морем в вольном городе Ашг-Ата. Этот кусочек суши составлял всего половину лиги к северу от порта. Но море в этом месте позволяло подходить к берегу даже тяжелым баркам торгового приама##1 Эссорта. В скором времени здесь начали строиться гостиницы, харчевни и увеселительные заведения. День и ночь ломовые подводки всех окрестных селений возили камень на возводимые рабочие пирсы. Но начал Биорк с широкой каменной набережной с чугунными фонарными столбами и первым стояночным рейдом.

##1 П р и а м — в мире Восточного Предела государственное образование республиканской формы правления.

В самом выгодном месте на естественном холме был построен помпезный амфитеатр для постановки трагедий и комедий, как это было заведено в золотые века.

Шел Рюен — второй осенний год, когда над Северным морем несколько месяцев безраздельно властвуют северо-западные ураганы, и капитан использовал это время для обустройства своих владений в солнечном краю.

Это были приятные заботы и очень новые для него, но не это грело душу. Все эти годы Ассандр не забывал о Биорк-Долле. А теперь он мог навестить семейное гнездо не с пустыми руками.

Когда ярость пассатов начала утихать, он совершил далекое путешествие на Овечьи Холмы. Развернувшуюся стройку в Ашг-Ате Биорк оставил в искушенных руках стряпчего Эдиса.

Башни Капертаума капитан старательно объехал стороной...

В Красном Зубце его с радостью встретил отец. Он давно отпросился с должности сенеши у Фюргартов и прежним лендлордом проживал в старом доме вместе со своей младшей сестрой и ее детьми. Сестра приехала к нему из Кедрового ручья с сыном и дочерью после того, как потеряла мужа, а поместье прибрал к рукам младший брат покойного.

Отец был еще совсем не стар и крепок, как корень железного дерева. За эти годы он, как мог, пытался привести твердыню в порядок, но для этого не хватало ни сил, ни средств. Все же в Красном Зубце на башне горделиво развивался флаг с атакующим вороном, и по случаю

приезда сына был дан небольшой пир. За столом даже прислуживали слуги в ливреях с гербом Биорков.

Ассандр подарил всем домочадцам небольшие подарки. Отцу он привез щенка редкой красной овчарки. Сквайр был заядлым собачником.

На следующее утро, когда селение еще отходило от двух бочек эля, которые отец велел выкатить возле вечернего колокола, Ассандр вместе с привезенным инженером-архитектором обследовал крепость. Вернее, то, что от нее осталось.

Твердыня Биорков отстраивалась многими поколениями, как это часто и бывает. Каждый новый лендлорд, если он не был отягощен войной за своего сеньора, а иногда и против него, стремился пристроить к крепости какой-нибудь бастион или арсенал. Лучше, конечно, сторожевую башню. В итоге крепостное сооружение представляло собой хаотичное каменное логово с множеством башенок, ходов и галерей. Все это столетиями строилось и потом столетиями ветшало и разрушалось.

На удивление Ассандра, инженер вполне благожелательно отозвался о состоянии и перспективах восстановления твердыни. Удовлетворенный молодой Биорк заключил с инженером долгосрочный контракт, уговорился с отцом, что будет теперь время от времени навещать фамильное гнездо, и уехал по королевской дороге в Эдинси-Орт.

Через два месяца в Красный Зубец прибыла целая строительная экспедиция во главе с деятельным инженером, который нанял в столице дюжину мастеров и привез обоз с инструментами, отделочными материалами и мебелью. Выдающийся нос заезжего зодчего скоро примелькался во всех уголках Биорк-Долла. Из соседних деревень началась вербовка разнорабочих и ломовиков, и в Биорк-Долле закипела жизнь.

Старый Биорк словно помолодел и вникал во все дела, проникнувшись к энергичному и словоохотливому инженеру глубокой симпатией. Лендлорд начал подумывать привязать заезжего молодчика какой-нибудь юбкой.

Ассандр задержался в этот раз в Эдинси-Орте. Когда обоз для Биорк-Долла уже был загружен, нанята охрана, и инженер отбыл с грузом на восток, капитан все медлил брать новый фрахт и покидать привычную гостиницу «Пьяная белка». Он бесцельно бродил по оживленным столичным улицам, заходил в книжные лавки и посиживал за рюмкой сливовицы в трактире своего бывшего кормчего. Он всегда выбирал один и тот же стол напротив открытого окна, из которого доносилась разноголосица городской улицы, были видны королевский холм, белая крепостная стена и замок.

За этими стенами счастливо, насколько он мог судить по разговорам, жила его принцесса, а ныне королева Восточного Предела леди Альда, и правила вместе с супругом Вильгельмом всеми подвластными марками. Знал, что королева растила маленькую принцессу Узону.

С поспешного отъезда из Капертаума прошло шесть лет. За эти долгие и важные первые годы самостоятельной жизни Ассандр окреп и стал мужчиной. Даже внешние перемены были кардинальными. Если нельзя было обойтись без парадного платья на каких-нибудь переговорах, Биорк предпочитал надевать крепкую морскую куртку и заношенную фуражку. По обычаю моряков вольных городов он отпустил шкиперские баки и был бы очень удивлен, если кто-нибудь узнал бы в нем прежнего мечтательного юношу из Капертаума.

Может быть, конечно, время за стенами королевского замка течет иначе и щадит своих обитателей, но Ассандр понимал, что хрупкая девочка-принцесса с синим взглядом тоже осталась только в его воспоминаниях, и пора перешагнуть через эту сердечную болезнь без всяких колдовских приемов. Но крепостная стена и королевские чертоги были рядом. Казалось — только протяни руку.

Однажды вечером, когда очередной контракт все же был заключен, и шхуна стояла под загрузкой в порту, в комнату капитана вкрадчиво постучали. Ассандр с полотенцем на шее

сидел за туалетным столиком и скоблил себе кожу узкой бритвой. Он встал и бросил в голову кудрявой нимфы, раскинувшейся нагой на кровати, подушку.

— Скройся, — велел он ей.

Смуглая девица ящерицей скользнула под покрывало и затихла. Мелькнули только овальные ягодицы и узкие розовые ступни.

— Войдите, — крикнул Ассандр, усаживаясь обратно к зеркалу.

Дверь приоткрыла рука, облитая тонкой перчаткой, и за ней в комнату проскользнул ловкий человек в черном. Он поклонился и в секунду осмотрел острыми глазами помещение. Ассандр был уверен, что притихшая нимфа не ускользнула от его внимания. Затем он приоткрыл дверь и выпустил господина в бордовом шелковом костюме, черных мягких сапогах и черной треуголке. Господин чинно вошел и, сняв головной убор с лысеющей головы, почтительно прижал его к груди.

— Имею честь обращаться к капитану Ассандру Биорку?

— Да. Имеете такую возможность. Непонятно только, как это вы минули моего слугу, — ответил Биорк, берясь за пояс, на котором висел длинный кортик. — Это совсем ни к чему, — успокаивающе поднял руку посетитель. — Я вице-канцлер Аорн. Луций Аорн к вашим услугам. — Он церемонно поклонился. — Ваш слуга был вынужден меня пропустить без доклада. Прошу извинить меня за такое бесцеремонное вторжение, но я узнал, что вы намереваетесь в скором времени покинуть Эдинси-Орт. — Он еще раз поклонился. — И вот я безотлагательно здесь.

— Вице-канцлер Аорн! — поднялся Биорк, вытирая полотенцем пену с недобритой щеки, — как же, наслышан, наслышан. Такая персона! Глаза и уши короля.

— И королевы, осмеливаюсь добавить, — сказал, приятно улыбаясь, вице-канцлер и махнул своему телохранителю. Тот тенью скользнул за дверь. — Собственно, поэтому я здесь... — Он выразительно посмотрел на кровать.

— Да... Милая, как тебя, Лисс, ступай пока, — повернулся к ней Ассандр.

Клубок покрывала зашевелился, и появилась головка с темными кудряшками. Она вопросительно подняла на мужчин бровки, соскользнула с кровати и потянулась за шелковым халатиком, перекинутым через резную ширму. Вице-канцлер с удовольствием смотрел на игриво оттопыренную смуглую попку, пока девица одевалась.

— Чем обязан, барон? — спросил Биорк, когда нимфа исчезла за дверью. Он сделал преувеличенно испуганное лицо. — Неужели вы хотите завербовать меня в ваши сексоты?

— Ну что вы, сударь, — протестующе поднял руки гость. — Этого добра у нас хватает. И разве бы я осмелился делать такое предложение Урбантингу. Я здесь только для того, чтобы лично оказать услугу нашей любимой королеве.

Биорк вопросительно посмотрел на посетителя. Сердце капитана пропустило удар.

— Ну, я сразу к делу. Королева давно интересовалась судьбой Ассандра Биорка и попросила меня навести справки. Так что мне оставались сущие пустяки: выяснить — не тот ли вы Биорк, который был другом ее детства в Капертауме. Я уже знаю, конечно, что это вы и есть. Так вот, королева желает возобновить старое знакомство и просит вас быть во дворце буквально сегодня вечером.

Через два неполных часа Биорк уже ехал в курьерской карете по королевскому парку. Дорожка, посыпанная чистым речным песком, мягко светила в наступающих сумерках оранжевой лентой. Ассандр был одет в новенький костюм, выбрать который в модной лавке ему помог королевский паж. Суровое выражение, которое придавал капитану квадратный подбородок, несколько смягчилось после того, как Биорк избавился от бакенбардов.

Паж придирчиво осмотрел его перед поездкой и не сделал никаких замечаний, хотя и скривил губы на значок мореходов, который нацепил Ассандр на новый камзол.

Немноголюдный банкет проходил в открытом павильоне, выступающем балконом над Эльдой. Над темнеющей водой мягко звучали звуки лютни. Лампы на колоннах неярко освещали только вход в ажурное помещение. Церемониймейстер, чтобы не нарушать интимной атмосферы вечера, не объявлял входящих гостей, он только принял Биорка «с рук на руки» у курьера и перепоручил его ашеру##1. Юноша в серебристом жакете повел капитана по полутемному павильону между группками негромко разговаривающих, изысканно одетых господ и кустами цветов в высоких вазах. Ашер вывел его на балкон, где Биорк увидел даму, сидевшую в легком плетеном кресле, и несколько стоящих фигур вокруг нее. Лампа на столике не давала достаточно света и освещала больше входящих, чем кружок аристократов, беседующих вокруг молчаливо сидящей женщины.

##1 А ш е р — в данном случае слуга, сопровождающий гостя.

От группы отделилась фигура в блестящем фиолетовом костюме, и Ассандр узнал в ней вице-канцлера, посетившего его сегодня.

По-дружески улыбаясь Биорку, он взял его за кисть мягкой рукой и подвел капитана к прервавшим беседу господам. По-приятельски прижимаясь к нему боком и не отпуская руки, он представил его присутствующим:

— Капитан самой дерзкой шхуны Северного моря, эрл Биорк-Долла — господин Ассандр Биорк! — Вице-канцлер отступил на шаг в сторону, демонстрируя Биорка.

Дама в кресле схватилась руками за подлокотники и живо поднялась, шурша бледно-голубым платьем. Лицо ее осветилось, и в красивой молодой женщине Ассандр узнал всю ту же прежнюю принцессу из далекого прошлого.

Да, это уже была не та хрупкая девочка с доверчивым взглядом, но те же ничуть не изменившиеся чистые синие глаза с живостью и приязнью смотрели прямо в лицо капитана.

— Ассандр! — сказала молодая королева. — Слава всем богам! Это ты!

Она подошла к капитану и положила ему руку на предплечье, с жадностью всматриваясь в его лицо.

— Да. Это действительно ты. Но как же ты изменился!

Королева повернула его за руку к лампе.

— Дай же мне рассмотреть тебя получше. — Она ласково и пылливо смотрела в лицо Биорка, и капитан почувствовал, как у него загорелись уши.

— Леди Альда... Простите, ваше величество. — Он поклонился, насколько это позволила не отпускающая его локоть королева.

— Но какой ты стал... лев. Настоящий рыцарь. — Она мягко засмеялась. — Мой рыцарь Ассандр.

Королева развернула смутившегося капитана к собеседникам и с гордостью в голосе представила его:

— Друзья, это мой старинный друг — Ассандр Биорк, которого я не видела долгие годы и думала, что потеряла навсегда.

Ассандр поклонился и встретился глазами с мужчиной, стоявшим за спинкой кресла королевы. Это был король Вильгельт. Он спокойно и дружески смотрел на Биорка и улыбнулся супруге, когда та подвела капитана и взяла короля за руку, не отпуская руки Ассандра.

— Очень рад, — сказал король негромко. — Леди Альда много раз вспоминала о вас, и хорошо, что вы нашлись, сэр Биорк.

Ассандр поклонился.

Вильгельт произвел на капитана хорошее, хотя и несколько смешанное впечатление. Статный, черноголовый и чернобородый мужчина с доброжелательными темно-кариими глазами. Плечи и грудь рыцаря, но при этом изящные руки и тонкие пальцы рисовальщика или

барда. Биорк никак не мог соединить воедино учтвого, мягкого человека, которым оказался Вильгельт Пряמודушный, с высоким титулом, которым он обладал — король всего Восточного Предела и владыка Узких земель... и этот негромкий голос. Готовность слушать, а не говорить. Внимательный и терпеливый взгляд. Король скорее напоминал... библиотекаря в богатых одеждах.

Королевская чета заставила Биорка рассказать о том, как он превратился из сына сене-шалья в бывалого морского волка.

— Юношей я тоже грезил морем, — сказал король капитану, — но, конечно, еще в детстве вполне понял, что мечтам моим не суждено осуществиться. Хотя предки Виннов наводили ужас пиратскими рейдами вдоль берегов Благодатного моря. Расскажите нам, действительно ли есть романтика в морском ремесле, как восхваляют книги, или это лишь фантазии людей, никогда не покидавших сушу?

— Вам судить, — отвечал Биорк. — Я начал свою первую вахту с просушки старых парусов и за два дня стер руки о джут по локоть. Но через месяц мы обогнули Хвост Дракона и проходили мимо острова Шлист. Руки мои к тому времени давно зажили и задубели. На заставе нам велели пристать для досмотра, и заодно мы пополнили запасы пресной воды. Боцман был добр и отпустил меня посмотреть на лицо колосса.

— И что же, — спросила леди Альда, — оно на самом деле так грандиозно?

— Только один глаз этого страшного лика занял бы весь этот павильон. Оно виднеется над землей под наклоном, словно гигант выглядывает из-под земли и обращает свой взор на подходящих к нему по тропе. Или, может быть, оно смотрит с тоской на корабли, проходящие мимо по морю. — Биорк сделал паузу и посмотрел на текущие в темноте воды Эльды. — Но не это поразило меня большего всего.

— Продолжай же, Ассандр, — всплеснула руками королева.

— В лиге пути от моря из-под земли виднеется каменная рука гиганта. Запястье ее схвачено металлическим браслетом. Шириной не менее двух локтей. На браслете из сложного узора складываются письмена. Слова очень отдаленно напоминают общий язык, но, говорят, там написано: «Я, Озимандус — царь царей. Содрогнись, правитель. Я был властителем всего мира, и вот ты видишь, что осталось от величия моего...».

Господа в пышных одеждах примолкли, слушая голос Биорка. Королева зябко повела плечами.

— И на этой гигантской руке действительно только четыре пальца, — закончил капитан. Вильгельт накрыл плечи королевы руками.

— Я только читал об этом, а ты видел своими глазами. И, верно, встречал много других чудес. Почему доля правителя видится людям завидной?

Придворные примолкли. Биорк почувствовал, что в воздухе повисла какая-то неловкость от вопроса монарха.

— Ну, зато научился держаться на воде я только в Бизанском порту, — продолжил Биорк немного невпопад. — Когда незакрепленный канат сбил меня с ног и швырнул за борт. Хорошо, что местные рыбаки подобрали меня в шлюп. Боцман кричал сверху, что никогда больше не позволит этому хлюпику ступить на его палубу.

Публика охотно заулыбалась, представив блестящего рыцаря барахтающимся в морской воде.

Этот вечер королевская чета провела, с интересом слушая о приключениях нашедшегося друга королевы. Биорк с удивлением обнаружил в себе дар рассказчика. Оказалось, что за эти годы у него накопилось много необычных историй, у которых могут быть благодарные слушатели.

Еще королева Альда с нежностью представила Биорку свою двухлетнюю дочь. Принцессу Узону. Милую светлоголовую девочку с удивительным фиолетовым взглядом праматери всех Урбантингов, которая доверчиво заглянула в лицо и навсегда осталась в сердце капитана.

Ночь заканчивалась, и небо над Драконьим хребтом начало светлеть. Скоро возле каменного плеча Одинокого Малыша поднимется солнце, и наступит новый день, когда «Утренняя звезда» уйдет в далекий Тримор, а потом еще дальше — в Чужое море вольных городов.

Королевская чета отпустила Биорку с обещанием как можно чаще бывать у них на Королевском холме. До курьерской кареты капитана провожал сам всевластный канцлер Дитрих Прушан. Он не мог проигнорировать персону, так внезапно приближенную к венценосцу.

Не доехав до гостиницы, Ассандр остановил повозку возле маленькой древней часовни «Тень Создателя». Зашел через узкую каменную дверь и заключил, наконец, мир с Великим Непознанным.

С этого времени жизнь капитана изменилась.

Биорк теперь охотно брался за маршруты, которые приводили «Утреннюю звезду» в королевский порт. Он знал, что в королевском дворце на сахарном мраморе зала приемов встретит восторженные объятия быстро подрастающей принцессы и синий взгляд королевы Альды.

Понимал ли король Вильгельт и сама королева, какое чувство Ассандр испытывал к ней? Может быть, король понимал, но был уверен в своей супруге. Видел, что она смотрит на Биорку, как на брата. И капитан был Вильгельту интересен. Совсем новое, не придворное лицо. Свежий ветер и свежий взгляд.

Биорк, в свою очередь, не хотел разбираться в своих чувствах и просто получал свою толику счастья, когда видел любимых женщин.

В жизни капитана появились новые цвета и оттенки, но он не забывал и про отложенный контракт.

В своих путешествиях по морям ойкумены капитан Биорк и раньше не упускал случая пополнить личную библиотеку редким фолиантом. После заключения такой странной сделки с мейстером Вдовьих островов Ассандр особенно рьяно разыскивал по книжным лавкам побережья книги, которые бы пролили свет на тайные свойства деревьев титанов, и покупал все, что было с этим связано. В конце концов, капитан выяснил из разных источников, что в Восточном Пределе было известно всего два таких дерева, и одно из них находилось на самой западной границе края в сердце перешейка Гигантов. В горах Большие Фесты.

Эти земли редко посещались людьми: кто там обитал, и какие события там происходили — сведений почти не было. В записках некоего путешествующего баронета было упоминание, что в одной из долин этой горной страны у него произошло столкновение с полуросликами, обитающими на холмах вокруг дерева титанов. Было ли дерево мертвое — не упоминалось.

Дерево, стоявшее на мысе полуострова Палец, было известно широко и повсеместно среди моряков, которые ходили по Северному морю. Корабли придерживались берегов, и дерево титанов служило хорошим ориентиром, после которого нужно было поворачивать на юг, если ты двигался в западные земли. Возле этого дерева иногда видели голованов. Считалось, что для этих существ оно представляло объект поклонения и находилось под их защитой. Ассандр узнал, что дерево это имело собственное имя — Ар. Но когда и почему оно умерло и когда должно опять возродиться — нигде не упоминалось.

Еще одно дерево титанов находилось за пределами восточных земель, на полуострове Рогатая Черепаха, где в широкой бухте раскинулся вольный город Ашг-Ата, и где капитан Биорк основал свою резиденцию. Когда Ассандр узнал про это дерево, он не преминул сделать крюк и сам увидел гигантское создание на отвесном мысу, которое словно держало небо на своих белых ветвях. Это дерево тоже было голое, без листвы. Мертвое или глубоко уснувшее.

Наконец капитан нашел в небольшой лавке в столице дома Синезубов — Чедере — свиток, в котором говорилось об этом дереве на западном краю ойкумены. Дерево тоже имело личное имя — Аш. По нему, видимо, и назван был город Ашг-Ата. В свитке пересказывалась очередная вариация всем известной легенды о том, как где-то далеко на востоке, за Драконьим хребтом погибал от нашествия кровожадного царя уруктаев Азуола город людей Юдоль. И как великий волшебник Мервин разорвал ткань мироздания и увел людей вместе с городом в скрытое место. При этом были нарушены связи пространств и времени, и мир хаотично разделился на две неравные части на неизвестный срок. В древнем свитке говорилось, что деревья титанов особенно чувствительны к полноте энергии, которая разлита в мире. А поскольку небольшой части энергии мир лишился, деревья заснули и возродятся к жизни лишь тогда, когда разделенный мир начнет воссоединяться.

Так вот какое событие ожидает все эти годы верховный мейстер!

Старая легенда, которую впервые маленький Санди услышал от старой няньки, стучится в его жизнь. Значит, чародей уверен, что древнее пророчество скоро исполнится. Ведь он заключил контракт.

И куда чародей направит Ассандра, когда мир соединится? С какой миссией? Капитан был взволнован, но обнаружил, что он вовсе не против того, чтобы поучаствовать в великих событиях. Это, наконец, привнесет в его жизнь особый смысл.

Случилось это в третьем месяце Червоного года. «Утренняя звезда» шла из Тримора в Благодатном море. Поход был дальний и продолжался четвертый месяц. Ассандр предвкушал радость встречи с любимыми женщинами и вез маленький подарок принцессе. Ожерелье из сиреневых филонитов, которые должны очень пойти к глазам малышки Узоны.

Идя на север вдоль берега Синезубов, капитан в прозрачном вечернем воздухе изда- лека приметил, что дерево титанов выглядит иначе. Оно было словно в пестрой дымке. Пока корабль приближался и проходил мимо патриарха деревьев, он рассматривал в увеличитель- ную трубу преображенного мертвеца. Выбеленные ветрами руки-ветви покрылись ярко-зеле- ной нежной кожицей. Нежные молодые веточки кое-где уже пустили желтые бутончики, и начинали появляться золотые листочки.

Час пробил. За четыре дня Биорк пересек залив Ар, еще за четыре — залив Урбанта, оставив по правую руку долгожданный порт Эдинси-Орта. А там, возле Крабей Клешни, «Утреннюю звезду» подхватил бушующий ураган и за сутки пронес на одном только косом парусе до точки, где корабль повернул в открытое море к Вдовьим островам.

Глава 4. Чарли

Наконец наступила долгожданная пятница.

После школы родители отвезли Чарли на вокзал и посадили на поезд. Весь состав состоял только из двух вагонов и электровоза.

Мама обняла Чарли на перроне и крепко поцеловала в макушку. Мальчик терпеливо все это позволил. Отец зашел с ним в вагон и немного снисходительно дожидаясь, пока Чарли сам выбирал себе место. Протянул сыну билет, потрепал его по отросшим за лето темным волосам и вышел.

Поезд еще не тронулся, но родители уже энергично помахали через стекло и, оживленно перекидываясь беззвучными фразами, направились к выходу с платформы. Чарли наблюдал, как они спускались в подземный переход, постепенно исчезая. Последней канула в темноту седая голова отца. От этой картинке у него почему-то появился комок в горле, и защипало в глазах. Ну, этого еще не хватало — ему все же тринадцать; он вставил в уши вкладыши наушников и врубил «Oomph!##1».

##1 Немецкая рок-группа.

Поезд из Шверина шел почти два часа, останавливаясь, словно рейсовый автобус, на всех полустанках. Люди входили, выходили, но к Чарли никто не подсаживался. За окнами на березовые прорески опускался вечер.

В Пархеме на вокзале его встретила сестра, и они пешком прошли под зажигающимися фонарями до ее дома на Даммер вег. По пути Чарли немного рассеянно отвечал на вопросы Марии, думая о предстоящей субботе.

После ужина с Марией и ее мужем он повозился немного с маленькой племяшкой, пока ее не увели спать. Питер, к счастью, не расспрашивал его о новом учебном годе, но зато сел на своего излюбленного конька и стал почти с восторгом рассказывать про новую игру по мирам Средиземья. Чарли, наверное, слишком убедительно демонстрировал внимание, и муж сестры начал обстоятельно излагать происхождение орков и гоблинов по Толкиену и разницу между ними. Поэтому к Францу Чарли сбегал уже совсем в темноте. Тот настойчиво вызывал его сообщениями весь вечер.

Франц жил через два дома в сторону вокзала по их же стороне улицы. Можно сказать, что теперь они были друзьями, хотя и жили в разных городах. По крайней мере, Франц взял в их отношениях покровительственно-приятельский тон, а Чарли позволял собой руководить в их вылазках по округе. Пархим был тихий благополучный городок, но Франц видел себя крутым чуваком с депрессивной окраины и даже зачем-то таскал в кармане мятую пачку сигарет. Когда Чарли бывал у сестры в Пархеме, приятель водил его по своему району на правах старожила и с некоторым пафосом знакомил его с какими-то взрослыми пацанами.

Чарли, в общем, был не против и действительно считал Франца знатоком реальной жизни. Сам он в Шверине проводил большую часть свободного времени в сети. Франц же добавлял в его жизнь немного безопасного драйва. А знакомство их началось с небольшого инцидента позапрошлой зимой.

Когда около двух лет назад сестра вышла замуж и переехала в Пархим к мужу, Чарли с родителями приехали с визитом. Они так же шли пешком со станции. Он впереди. Родители с Марией и ее мужем позади, негромко переговариваясь. Через дорогу, на крыльце дома, мимо которого они проходили, стоял коренастый блондинистый мальчик, прижимаясь спиной к двери. Он смотрел, как они открывали калитку и входили в дом. Светлые водянистые глаза

пацана пристально изучали Чарли. Тот почувствовал в этом внимании немую угрозу и отвел взгляд в сторону.

Когда тем же вечером Чарли вышел на улицу подышать и посмотреть на редкие несмелые снежинки, падающие в жухлую траву, он услышал за спиной скрипучий голос:

— Стукнемся?

Все тот же соседский мальчишка в заношенном свитере стоял у него за спиной, засунув руки в карманы штанов. Он был выше Чарли на пол-ладони.

До этого Чарли не приходилось драться по-настоящему, тем более ему еще никогда с ходу не предлагали подраться незнакомые мальчишки.

Чарли пожал плечами, но драка не успела состояться. Вышла мама и, увидев чужого мальчика возле своего сына, стала зазывать того в гости поиграть на приставке. У мужа сестры в подвале была оборудована целая игровая студия с большим дисплеем. Мечта! Задира что-то пробурчал и поплелся к своему крыльцу, не вынимая рук из карманов. А уже через пятнадцать минут он сам позвонил в дверь, и оставшийся вечер до самого позднего часа они резались на приставке. Никто, похоже, у Франца дома не беспокоился его отсутствием.

Потом, когда они подружились, именно Франц и рассказал Чарли о ежегодном фестивале, который проходил в Пархиме в сентябре. Он красочно описал шествие по улицам в исторических костюмах. Всякие латники, арбалетчики, меченосцы, даже конные рыцари. Раньше еще проезжал советский танк Т-34 с развивающимся красным флагом на броне, но это было еще до рождения Франца. При ГДР.

Чарли очень долго ждал этого события, почти год. Родители, конечно, знали об этом, дома он извел не одну коробку пластилина, изготавливая фигурки средневековых воинов. Мальчиком Чарли был вполне рассудительным, и ему позволили одному поехать в Пархим. Разумеется, с тем условием, чтобы старшая сестра присмотрела за братом.

Вот Чарли и направился через два дома, чтобы обсудить завтрашнюю субботу. Зачем еще мог вызывать его сообщениями приятель.

Франц был на своем заднем дворе. Счастливчик возился с мопедом, доставшимся ему от старшего брата. Чарли завидовал приятелю черной завистью: ему от старшей сестры досталась только комната и коллекция Барби, которую он свалил в одну коробку и, не решившись потихоньку выбросить, отнес в подвал.

— Ну что, идем завтра? — спросил Франц как заправский автомеханик, деловито протирая замасленные руки острой пахнущей тряпкой.

— Конечно, как договаривались. — Чарли пожирал глазами рифленые квадратиками покрышки, хром обводов и головной фары.

— Ты в воскресенье после обеда уедешь?

Чарли кивнул головой, пальцем повторяя желтую молнию на бензобаке.

— Тогда мы можем с утра пойти на мотодром, и я дам тебе проехаться на моем байке, — великодушно сообщил Франц, скомкав тряпку и отправляя ее трехточковым броском в мусорное ведро.

Чарли подавил готовый вырваться ликующий вопль и сдержанно и солидно ответил:

— Заметано!

Но у Франца это были еще не все сюрпризы.

— Ты понимаешь, старик. Я завтра буду не один... — Он сделал паузу, совершая странные знаки глазами. — Со мной будет одна крошка. Моя бэйба.

Здесь Чарли потребовалось все его хладнокровие, чтобы у него не отвалилась челюсть.

— Классная цыпочка. Из параллельного класса. Я с ней познакомился на рождественской дискотеке. Она новенькая. Переехала из Берлина. Представляешь? — Франц не выдержал тона бывалого байкера и зачастил информацией. — Отец у нее инженер там чего-то. Короче, в ратуше работает. Я вас завтра познакомлю. Не с отцом ее, конечно. С Сюзи. — Он захохотал и

толкнул Чарли, дурачась и раскачивая бедрами, изображая Челентано. — Сюзанна, Сюзанна, Сюзанна мона мур...

Франц, на взгляд Чарли, имел очень странные музыкальные предпочтения. Он повесил в гараже плакат с молодым Челентано, о котором Чарли раньше и не слышал, и при всей несхожести со своим кумиром пытался также оттопыривать нижнюю губу и смотреть сбоку.

— Попрошу Сюзи, чтобы она какую-нибудь подружку захватила для тебя. Классно проведем время! — завалился его приятель в старое кресло.

В субботу телефон почему-то не разбудил Чарли, но в его странный и запутанный сон ворвался сиплый свисток чайника. Он открыл глаза и сразу вспомнил, что сегодня — тот день.

Все были уже внизу за столом. Сестра сбросила со сковородки ему в тарелку омлет с беконом и пододвинула брецель, щедро намазанный маслом. На ее взгляд, младший брат был слишком худенький.

Крошка Лени размазывала ложкой какую-то сиреневую кашу по тарелке, глядя на Чарли бусинками голубых глазенок. Питер, стоя у окна, пил свой кофе и возмущенно высказывался по адресу городских властей. Все в том духе, что-то типа: «Докатились! В день вступления бургомистра в должность нет электричества!» Он безуспешно пытался связаться с коммунальными службами. Сотовые вышки, наверное, тоже обесточены, а это значит, что авария серьезная, и справится ли город своими силами — неизвестно.

Чарли почти осилил омлет и даже самоотверженно надкусил крендель, поблагодарил сестру и выскочил из-за стола. Через минуту он бы уже ускользнул из дома и был бы свободен, как ветер. В кармашке джинсов затаилась сложенная в квадратик купюра, и его ждало долгожданное зрелище. И потом ведь будет еще ярмарка и всякие аттракционы, а вечером даже салют. Прекрасный денек.

И вот — на тебе! Муж сестры выразил желание присоединиться к Чарли. Конечно! Раз не было света — он не мог, как обычно, проторчать субботнее утро за теликом. И нет никакой возможности отказаться, не обидев сестру. Чарли погрузился, представив, какую физиономию состроит Франц, когда увидит их вдвоем с Питером.

Паренек, мрачней, ждал в прихожей.

Питер спустился по лестнице с довольным выражением на продолговатом лице. Подмигнул Чарли и протянул руку, чтобы потрепать его по волосам, ну тут уж парнишка не позволил этому случиться. Что они, все сговорились?! — Он сердито отдернул голову.

— Ну ладно, Карл, — сказал ему дядя, — какие у нас планы? Пойдем сразу к ратуше?

Чарли терпеть не мог, когда его имя переделывали на немецкий манер, еще один раз его даже учитель назвал Шарлем на уроке французского — полкласса повеселилось.

— Я — Чарли, — буркнул он. — И мы сговорились с Францем пойти вместе, мне нужно на плотине встретиться с ним.

— Хорошо, Чарли. Не переживай. У меня тоже найдется, чем заняться на ярмарке. И у меня есть приятели. — Он опять довольно подмигнул племяннику. — Ты только не сдавай меня своей сестре.

Чарли промолчал, но почему-то ему стало неприятно, что он оказался с Питером в каком-то заговоре против Марии.

Еще было совсем рано, и Даммер вег была пуста. Праздник начинался только через два часа. Они специально уговорились с Францем пойти пораньше, чтобы посмотреть на приготовления. Может, им удастся поближе рассмотреть костюмы и средневековое оружие.

— Знаешь... Чарли, — сказал Питер дружелюбно, — я раньше тоже очень интересовался всякими средневековыми штучками. Есть в них какая-то притягательность.

Дядя явно хотел наладить контакт с младшим братом жены и время от времени прилагал к этому усилия.

— Ты согласен со мной? Холодное оружие, мечи, кинжалы несут какую-то особую ауру. Такая честная и открытая угроза. Особенно настоящие. Не копии.

— У нас в Шверине хороший музей, — ответил примирительно Чарли. — Там много интересного, но хочется увидеть все эти кольчуги и оружие на живых людях. Это, наверное, совсем по-другому ощущается. Ну, так все — лязгает. Металл, кожа... Еще бы хорошо — лошади.

— Это все сегодня должно быть, — улыбнулся дядя. — Но не жди осадных орудий... Смотри, что за чудак там бежит, — оборвал он себя и указал влево, где между домами блеснула Эльде.

По берегу ее, сминая высокую траву, бежал толстенький человек. Из одежды на нем были только длинные трусы. Он обернулся, словно за ним гнались, и нырнул в гущу камышей.

— О! Еще! Смотри, смотри! Видишь? Что за цирк, ну и городишко у нас — праздник еще даже не начинался.

Там же показались еще две фигуры. На этот раз это были женщины. Они почему-то держались за руки и бежали очень быстро. Изо всех сил. Через секунду их закрыл частный дом Кохов.

— Ну и ну... — крутил головой дядя.

Они прошли железнодорожный переезд и миновали справа небольшое здание вокзала, окруженное старыми липами. Для осеннего утра было необычайно тепло, но на улицах почти никого не было. Похоже, горожане, лишившись электричества, решили не покидать кроватей и компенсировать ранние подъемы за всю неделю. Дядя в прекрасном настроении после увиденной сценки широко шагал, отмахивая рукой. Чарли плелся немного сзади, пытаясь рассмотреть между домами слева странное вертикальное облако.

— Чарли, мы здесь! — окликнули его сзади.

В утренней тени дерева стоял Франц и две девчонки. Чарли оглянулся на Питера. Тот уже прошел по улице вперед и махал ему, улыбаясь: «Ну, иди, иди...».

Паренек засунул руки в карманы и смущенно поплелся к приятелю. Франц что-то рассказывал, помогая себе рукой, но девчонки обе смотрели не на него, а на приближающегося Чарли. Конечно, он сразу стушевался и неловко подошел боком, глубоко засунув руки в карманы.

— Ну вот, это — Чарли. Мой дружбан из Шверина, — представил его Франц покровительственным тоном. — Это — Сюзанна. — Он указал на очень симпатичную девчонку с карими глазами и с темными волосами до плеч. — А это — Хельга.

Девочка со светло-каштановыми, почти рыжими волосами весело посмотрела на него и протянула руку. Чарли неловко взял пальцы с темно-синими ногтями и несильно пожал.

— Ну, я все узнал, — сказал Франц. — Сбор у них на той стороне возле пристани перед шлюзом. Думаю, они там сейчас будут надевать все эти штуки.

— Пойдемте тогда, — сказала Сюзанна, почему-то глядя на Чарли. — Раз вы вытащили нас в такую рань.

— Гаджеты все равно не работают, — примирительно добавила Хельга. — У вас тоже?

Питер, который уже далеко ушагал вперед, еще раз оглянулся и понимающе усмехнулся при виде фигуры племянника, неуклюже застывшего возле раскрепощенно державшихся девчонок.

«Почему они с таких малых лет чувствуют себя в этом как рыба в воде, а мы вечно мнемся, не зная даже, куда деть собственные руки?» — думал Питер, выходя на Шлюзовую площадь.

Взгляд его был рассеянно устремлен вверх, и, выйдя с узкой улицы на открытое пространство возле Эльде, первое, что он увидел, это вздымающуюся в небо пирамидальную гору

со сверкающими заснеженными сторонами. Влево и вправо от нее отходила синеющая зубчатая гряда. За ней по яркому небу угадывалось поднимающееся солнце.

Питер был настолько поражен, даже оглушен, что все мысли покинули его голову. Сильные и умелые мужские руки вдруг онемели и бессильно опустились вдоль тела, а ноги сами сделали еще несколько шагов, вынося его на площадь. Он не в силах был отвести взгляда от сияющей холодным светом вершины. Из состояния полутранса Питера вывели несуразные звуки, настойчиво вторгающиеся в оглушенное сознание. Он опустил глаза...

Пространство перед шлюзовым мостом выглядело еще более дико и неправдоподобно, чем невозможные горы, вдруг выскочившие на знакомом с детства пейзаже.

На велосипедной стоянке на коленях стояла цепочка людей. Человек десять. В основном это были женщины. На правом плече у них лежала длинная жердь, и руки у всех были связаны над ней грубой веревкой. Люди были словно нанизаны на вертел.

Над пленниками стояло, расставив кривые ноги, чудовище с серой остроухой головой. Оно, порывая, деловито вязало узлы на вздернутых руках одной из жертв. Девушка, зажав глаза, сдержанно рыдала.

Питер, несмотря на оглушенное состояние и на остатки здравого смысла, отстраненно определил для себя, что это существо — типичный толкиенский орк, а если говорить строго — урук-хай. Боевой орк.

Мужчина инстинктивно попятился и прижался спиной к голой стене. Не понимая и не принимая логику происходящего, он смотрел на разгромленную площадь перед собой. На разбитые витрины, опрокинутые стеллажи с фруктами... Апельсины раскатились яркими шарами далеко по мостовой. Питер увидел, как одна из серо-зеленых тварей подняла фрукт и осторожно его обнюхивает.

Еще два орка копошились возле припаркованной легковой машины с той стороны моста. Передняя дверь была распахнута, и с сиденья на мостовую свисала нога завалившегося на руль мужчины.

Слева, возле разбитой витрины магазина спортивных товаров лицом вверх без движения лежал подросток. Рука неестественно вывернута за спину.

Питер поспешно отвел взгляд и в нескольких шагах от себя обнаружил тело грузного мужчины, распластавшегося ничком. По спине расплывалось большое темное пятно. Рядом с ним, лицом к Питеру, свернулась калачиком хрупкая женщина.

Он сразу узнал ее. Это была его бывшая одноклассница Итка Шилган. Она первая в их классе выскочила замуж. Может быть, даже мужчина рядом с ней — ее муж. Сейчас Итка лежала, пряча вздрагивающее лицо в ладонке. Над ней стоял орк в рогатом шлеме. Он засовывал длинный тесак в ножны на бедре и смотрел на жертву у своих ног.

Вдруг тварь нагнулась над телом и схватила запястье женщины. Та негромко застонала и подняла голову, глядя с ужасом в серое лицо. Тварь наклонила голову на собачий манер, рассматривая кольцо на руке Итки.

Одобрительно хрюкнув, когтями другой руки орк уцепился за украшение на пальце жертвы и начал тянуть на себя. Кольцо застряло и не двигалось.

Орк сильно дернул раз, другой. Злобно рявкнул и вдруг засунул палец женщины в свой рыбий рот. Раздался тошнотворный хруст, и тварь достала из пасти окровавленный палец с кольцом. Женщина слабо взвизгнула и прижала покалеченную руку к животу. Подогнула колени. Едва слышные рыдания сотрясали ее тело.

Орк не обращал на нее теперь никакого внимания. Он был занят извлечением кольца с женского пальца. Наконец чудовище сняло кольцо и оценивающе поднесло его к своим маленьким глазкам. Палец орк, не глядя, отбросил на мостовую.

Питер, стоявший до тех пор в оцепенении, отделился от стены и необычайно высоким голосом заорал на пригнувшуюся от неожиданности тварь:

— Ты что, скотина, делаешь. Да я тебя сейчас... — Он схватил за ручку оставленный кем-то у стены самокат и с размаху вlepил оборачивающемуся орку этим оружием в сгорбленную спину.

Тварь не успела среагировать и рухнула на мостовую, отлетев на пару метров. Мужчина, похоже, сам ошеломленный своей яростью, перепуганно сделал шаг в сторону упавшего орка, все еще удерживая в руке хромированное оружие. Орк с трудом поднял уродливую голову. Из вывернутых ноздрей потекла темно-зеленая жидкость и начала капать густыми каплями на булыжник мостовой.

Увидев подходящего Питера с блестящей железкой в руке, тварь хрюкнула и начала отползать, волоча ноги по брусчатке.

Питер растерянно опустил самокат, и тут сзади в его правое плечо с влажным звуком вошла тяжелая стрела. Он уронил свое импровизированное оружие и развернулся в сторону опасности. Вторая стрела вошла в то же плечо, но уже спереди. Питер удивленно смотрел на оперение стрелы, подрагивающей перед его глазами. Грудь его издала всхлипывающий звук.

Он почти не чувствовал боли, но ноги его вдруг стали слишком слабы, чтобы удерживать тело, и Питер осел на колени. К нему от магазина игрушек на кривых ногах приближался орк с большим ножом, расширяющимся к острию. Вторая тварь стояла чуть сзади в открытых дверях, держа в опущенной лапе короткий лук.

Питер смотрел на замахающуюся тесаком тварь, и искра понимания загорелась в его глазах за мгновение до того, как лезвие вошло в тело между шеей и плечом.

Ребята шли двумя парами по тротуару: Франц с Сюзанной — впереди, Чарли с Хельгой — за ними. Хельга бросала на мальчика любопытные взгляды, но Чарли не знал, о чем говорить с этой девочкой, и делал вид, что внимательно слушает, о чем рассказывает Франц своей подруге. Хотя приятель, наверное, здорово приукрасил состояние своих отношений с красоткой Сюзанной: когда он как бы невзначай положил руку девочке на ремешок джинсов, та незамедлительно скинула ее. Да еще посмотрела на Франца отрезвляющим взглядом.

Чарли, перебирающий в уме темы, которые можно было бы поднять для общения, совсем уже собрался рассказать девочке, что на плотине, куда они идут, можно натянуть подлещиков на леску с крючком, накрученную на палец. Он только соображал, как же это все начать... но тут очень кстати обнаружил, что у Хельги развязалась кроссовка, и белые хвостики шнурков мелькают над брусчаткой. Это было проще!

— Хелли, у тебя там шнурок. — Он ткнул пальцем вниз.

Она прыснула и присела на колено, челка упала ей на глаза. Чарли тоже, конечно, остановился и прислонился к ограждающему столбику спиной. Сейчас он мог беспрепятственно рассмотреть девочку, пока она неторопливо занималась обувью.

Курносый маленький носик, веснушки и розовые ушки за рыжеватыми завитушками волос. «А она все-таки симпатичная», — решил Чарли.

Хелли, затягивая аккуратный бантик на обуви, вдруг взглянула ему в лицо снизу вверх. Мальчишка не успел отвести взгляд, и был пойман с поличным. Он стал краснеть, начиная с шеи, но Хельга улыбнулась ему, бодро встала и запросто взяла его за руку как само собой разумеющееся.

— А твое полное имя — Чарльз, прям как у английского принца? — спросила девочка, глядя золотистыми глазками.

— Это — в честь дедушки. Моя мама наполовину англичанка, — пояснил мальчик.

— Здорово. А в Англии ты был?

— Нет еще. Дедушка уже давно умер. Но мы поедем на это Рождество.

Первая пара шла, не оглядываясь на них и была уже далеко впереди, в самом конце улицы.

Франц обогнул стеклянную угловую витрину магазина игрушек и, выйдя на площадь перед мостом, резко остановился и замолчал. Рука его повисла в воздухе и начала медленно опускаться, словно жила своей отдельной жизнью. Сюзанна вдруг вскинула руки к лицу и пронзительно завизжала, так что у Чарли, который был с Хельгой на приличном расстоянии, заболели уши.

Франц начал пятиться назад. Сюзанна внезапно оборвала визг и, резко развернувшись, припустила прямо посередине улицы.

Хельга впиалась в рукав Чарли. Мальчик, не понимая, смотрел на происходящее. Что могло так напугать приятелей? Какая-то страшная авария на площади? С жертвами? Или сорвался с привязи злобный пес?

Через несколько секунд Сюзанна пронеслась мимо них, энергично отмахивая загорелыми руками. Франц, наконец, перестал пятиться спиной и, развернувшись, тоже устремился назад по улице.

Чарли, не понимая источника опасности, но видя, что ребята от чего-то спасаются бегством, подскочил к двери бакалейной лавки и распахнул ее настежь. Звонко ударил колокольчик над дверью. Девочка крепко держалась за руку Чарли двумя руками.

Паренек, придерживая дверь, стал заталкивать Хелли в лавку. Она не придумала ничего лучше, как закрыть глаза.

Мимо них, отчаянно дыша, промчался Франц. Он глянул на них дикими глазами и что-то крикнул.

Хелли уже была внутри, и Чарли собирался закрыть массивную дверь, когда посмотрел в сторону Шлюзовой площади. Две приземистые фигуры непонятных существ появились оттуда, и злобные глаза их сразу встретились с глазами мальчика. Одна из невозможных серых тварей начала поднимать арбалет, и мальчик, схватившись двумя руками за ручку, захлопнул дверь. Чарли начал искать какой-нибудь шпингалет, как за стеклом двери появилось красное лицо Франца. Он отчаянно забарабанил в дверь, и Чарли, приоткрыв ее, впустил приятеля. Паренек, наконец, нашел массивную задвижку и с шумом защелкнул ее.

Хельга сидела на полу возле прилавка. Она обхватила колени руками и со слезами в глазах смотрела на Чарли и на Франца, который согнулся и шумно дышал. Приятель порывался что-то сказать, но никак не мог восстановить дыхание.

Раздался звук шагов, и сверху по лестнице из жилой зоны стала спускаться хозяйка бакалеи. Ее блеклые глаза на продолговатом лице строго смотрели на подростков. Она, видимо, пришла уже к каким-то нелестным выводам. Фрау явно знала Франца и, ступив на пол, выставила костлявый палец в направлении потного лица паренька. Он все еще отдувался, громко выпуская воздух.

Крепкая сорокалетняя женщина была готова разразиться грозной тирадой, но в этот момент Франц через силу, глотая окончания, простонал:

— Фрау Ланге, там монстры, понимаете. Они гонятся за нами. Они на площади такое устроили! Там все в крови. — Мальчик задышался, слезы текли по его пылающим щекам.

Фрау Ланге проглотила готовую сорваться отповедь и недоверчиво посмотрела на дверь. Было очевидно, что репутация Франца в ее глазах была очень подмоченной. И все же сейчас он выглядел слишком напуганным и убедительным. Женщина направилась к входной двери.

— Нельзя открывать. Нет! — вскричал Франц еще громче. — Нужно спрятаться.

Чарли стоял между ними. Он перевел взгляд с хозяйки на приятеля. «Все в крови? А Питер?»

В этот момент в дверь начали ломиться с такой яростью, что она застонала на старых латунных петлях. Через верхнюю стеклянную половину заглянула серо-зеленая морда с приоткрытой пастью. Злобные глаза в глубоких впадинах блеснули красным кроличьим отблеском.

Женщина застыла в шаге от двери, не в силах отвести взгляда от глаз монстра. Хельга на полу зарыдала в голос и стала отползать спиной вперед к стеллажам с овощными банками.

Чарли шагнул к ней и схватил девочку за плечи.

— Хелли, нужно бежать. Здесь не спрячешься. Вставай! — Он потянул ее вверх, безуспешно пытаясь поймать ее взгляд.

Раздался треск, и по стеклу двери побежали первые трещины. Тварь за окном стала действовать широким тесаком. Остервенело повизгивая, она размахивалась сталью, и стекло звякало, поддаваясь.

Хельга вскочила с колен и повисла у Чарли на плечах. Мальчик шагнул к лестнице.

Женщина вышла из ступора и, схватив латунную ручку в стене, начала торопливо ее крутить. По всей витрине сверху вниз поползли металлические рольставни. Фрау Ланге обернулась на подростков и, не прекращая крутить отполированную годами ручку, злым голосом приказала:

— Ну-ка, все наверх!

Чарли подтолкнул девочку к лестнице. Его самого рукой в спину толкал Франц. Гурьбой они забежали на второй этаж и в полутьме коридора стали озираться. Снизу раздавались неравномерные звуки ударов металла о стекло, о дерево и о металл. Скрежетали опускаемые рольставни.

Раздался звонкий хлопок, вскрикнул женский голос, и донесся глухой звук падения чего-то мягкого на твердую поверхность.

Подростки начали толкать все двери, выходящие в коридор. А двери почему-то были заперты. Одна из дверей под рукой Чарли вдруг распахнулась, но это оказалась лишь небольшая ванная комната. Выключатель не работал, и помещение освещало только крохотное окошко под потолком. Франц отодвинул Чарли рукой и кинул взгляд на фрамугу.

— Нет. Не пролезем. Если только одна Хельга сможет.

Коридор вдруг осветился. Хельга в конце прохода открыла какую-то дверь. Приятели бросились туда.

Снизу раздался грохот. Дверь все-таки не выдержала и слетела с петель.

Подростки вбежали в комнату, и Чарли, который был последний, захлопывая ее, увидел поднимающиеся по лестнице уродливые фигуры. К счастью, в дверной скважине торчал латунный ключ, и он торопливо провернул его на два оборота. Дверь была из толстого массивного дерева и выглядела надежной. Чарли надеялся, что она хотя бы на какое-то время задержит этот кошмар.

Он обернулся. Это была хозяйская спальня. Небольшая комната с древней мебелью: кровать красного дерева, большой шифоньер у глухой стены, в углу ламповый телевизор на тумбочке, старушечьи обои в мелкий розовый цветочек.

Хельга тихо стояла посреди комнаты, как птичка, замеревшая в западне. Шнурок на ее кроссовке опять развязался.

Окна комнаты выходили на две стороны: ряд узких — на улицу и одно широкое — в проулок между домами. Франц уже возился с этим окном, взобравшись на комод. Стоя прямо на белоснежной вязаной салфетке замызганными кедами, он со скрежетом повернул тяжелый шпингалет и распахнул створки.

За спиной Чарли по доскам коридора протопали две пары ног, и что-то тяжело ударило в дверь. Хельга посреди комнаты вздрогнула и втянула голову в плечи. Но Чарли почему-то даже не обернулся на этот стук. Вместо этого он присел у ног Хельги и принялся удивительно спокойными руками завязывать распустившийся шнурок. Она опустила глаза и, протянув руку, оперлась на голову Чарли. Мальчик почувствовал на своей макушке тепло ее вздрагивающей руки. Сквозь распахнутое окно на стену упало солнечное пятно.

«Солнце взошло», — подумал Чарли. Он смотрел на это живое, колеблющееся на обоях пятно и чувствовал, что с этим теплым светом в него вливается какая-то чудесная и радостная сила. Он изменялся. Нет. Он не становился кем-то другим. Он становился собой. Настоящим собой. Полным. Внутри таяли какие-то преграды. Теперь Чарли видел, что он намного больше внутри себя.

Пятно света щедро вливалось в него эту новую силу.

Погруженный в себя, он фиксировал, как Франц ойкнул и присел на комод, а потом и соскочил вниз. Из проема окна просвистела стрела и под углом воткнулась в беленый потолок. На головы подростков посыпались мелкие куски штукатурки.

Почему-то Чарли не воспринимал это как действительную опасность. Он прислушивался к своим ощущениям. Это было важнее.

Через руку Хельги в него вливался поток перемежающихся образов: он видел сразу и сегодняшнее раннее утро, когда Сюзанна зашла за Хельгой, и то, как позже девочки разговаривали о Франце в прихожей у зеркала; вместе с этим он сразу увидел и узнал родителей Хельги, ведущих ее записываться в школу несколько лет назад, и младшего брата Отто, который на прошлой неделе добрался до девчачьего дневника сестры и разрисовал его от корки до корки.

Картинки были блеклые, скудные на детали. Только общий образ. Чарли чувствовал, что можно погрузиться глубже в каждый момент, но это было как-то неправильно и ни к чему...

Ему казалось, что это девочка разрешила ему все это увидеть. Хелли как бы раскрылась ему навстречу. И с его стороны не требовалось никаких усилий. Он чувствовал ее доверие к себе, ее затухающий испуг, который сначала был всепоглощающим паническим ужасом. Она даже перестала вздрагивать от настойчивых ударов в дверь. Ее успокаивало прикосновение к Чарли и их установившаяся связь. Через него энергия солнечного света вливалась и в Хельгу.

Франц, присевший спиной к комоду, вцепился в свои жесткие светлые волосы обеими руками и дикими глазами смотрел на притихших подростков.

— Мы попались. Там внизу еще один с арбалетом караулит. Амба. Эй, вы!

— Что ты видел на площади? — спросил Чарли, поднимаясь с колен. — Ты говорил, что там везде кровь. Питер пошел туда.

Хельга неохотно убрала руку и осторожно подвинулась к окнам, выходящим на улицу. Она совсем перестала плакать.

— Твой дядя мертв, — с неожиданной злостью сказал Франц, следуя глазами за Хелли. — Там были люди, привязанные к палке, и много лежало на дороге. Как мертвые. В крови. И эти страшилища всюду. А Питер... он тоже лежал. Его зарубили.

Чарли знал, что это правда. Он слышал и видел приятеля, но одновременно он видел двух существ, пыхтевших за дверью, и чувствовал их угрюмую и привычную ярость. Сейчас, когда Хелли сняла руку с его головы, он ощущал присутствие чудовищ даже сильнее.

Они были другие. Разум их бы темен и чужд. Обитатели каменистых пустошей и сумрачных пещерных городов, они ненавидели открытые пространства и солнечный свет. Себя они называли урукт-аим. Все остальные звали их уруктями или орками. В их венах пульсировала тягучая темно-зеленая кровь.

Орки. Злобные, постоянно раздраженные существа. Они были готовы убивать всегда. Война была образом их жизни. Но сейчас они были здесь не случайно. Чья-то воля направляла их.

Чарли не знал, откуда это знание пришло к нему. Информация словно была вокруг. Она была в воздухе, но в другом состоянии. Он видел ее не глазами, она входила в него через кожу рук, когда он хотел этого. Нужно было лишь потянуться. Не все, что он получал, было понятно, но это знание про народ урукт-аим и их неумолимую злобную сущность — это было на поверхности и просто. Знал мальчик и то, что язык, на котором их называют уруктями, известен как «общий», и он действительно понятен всем обитателям Большого мира.

Но там было что-то еще. Это было сложнее. Чей-то острый и насмешливый разум...

Франц, сидя на полу, и Хельга, отошедшая к окошкам и обернувшись, смотрели, как Чарли протянул руки и дотрагивался до каких-то невидимых вещей. Франц с недоумением и опаской, а девочка — с пониманием. Ее новый друг был особенный. Она уже узнала это.

Чарли на секунду остановил движение рук, потом медленно их опустил, обернулся и пошел к терзаемой двери. Подойдя, он взялся за массивный ключ и взглянул на друзей.

— Я не совсем уверен. Пожалуйста, отойдите в сторону и лучше присядьте, — сказал он спокойным голосом.

Хельга сразу присела на месте.

Франц торопливо пополз в сторону от комода, не отводя взгляда от приятеля.

— Подожди, Чарли. Может быть, нас спасут — дверь крепкая, — торопливо говорил он. — Мы что-нибудь придумаем.

Чарли повернул ключ и открыл дверь.

Глава 5. Баррион

Инга Кофф увидела за окном чередующиеся отблески и потянулась за очками. Ее излюбленный столик стоял у окна, выходящего на Шверинер, так что у нее непроизвольно появилась привычка поднимать голову от работы и смотреть, кто проезжает по шоссе.

Сегодня было странное утро. За все время ни туда, ни обратно по улице не проследовал ни один автомобиль. Старая учительница решила, что это как-то связано с отсутствием электричества. Может быть, на линии от Кривица произошла большая авария.

Женщина представила перевернувшийся бензовоз, опрокинутую опору электропередачи и разливающуюся по асфальту опасную жидкость. Людей в желтых жилетах, останавливающих транспорт... Да, это могло бы все объяснить. Но как быть с движением из Пархима?

Размышляя и присматриваясь к бликам за окном, она достала мельхиоровую ложечку из специального футлярчика.

Учительница вспомнила, что несколько велосипедистов сегодня все же проследовали в сторону центра. Это были группы местных жителей, некоторые с детьми, и фрау Кофф, конечно, решила, что они направлялись в центр к открытию фестиваля. Но на автомобилях никто не поехал. Сама она решила в этом году игнорировать праздник. Главным образом потому, что на выборах бургомистра победил этот Финн Бремер. Как город мог выбрать такого человека...

С минуту еще она созерцала происходящее на улице, надев очки для дали и удерживая рукой очки для чтения над седыми бровками. Потом она положила очки на стол и вышла с кружкой некрепкого кофе через открытую дверь на крылечко.

Со стороны Кривица шла длинная колонна одетых в бурую кожу и металл людей. Это как минимум было очень странно. Даже абсурдно. Приезжие участники костюмированного шествия всегда прибывали на железнодорожный вокзал, что и понятно. «И зачем же их так неоправданно много!»

Длинный хвост колонны скрывался за каштанами, росшими вдоль ручья, а голова ее как раз поравнялась с аккуратным одноэтажным домом фрау Кофф. Впереди шли солдаты в круглых касках, похожих на древнеримские, по крайней мере как они изображены в учебнике для начальных классов, но значительно грубее и примитивнее. На согнутой руке у каждого лежало какое-то орудие для метания стрел. Видимо — арбалеты. Насколько Инга могла судить — в полной готовности. Солдаты тянулись двумя цепочками по обеим сторонам улицы, опережая основной отряд.

Один из мужчин прошел совсем рядом с крыльцом, и женщина успела рассмотреть красное небритое лицо и пот, стекающий из-под каски.

Фрау Кофф решила взглянуть на аниматоров поближе и спустилась по ступенькам к низкой изгороди из подстриженных кустов. Прихлебывая кофе, она рассматривала группу живописных всадников на крупных породистых лошадях, возглавляющих колонну.

Впереди на черном коне ехал высокий мужчина с длинными волосами и грубым лицом. В руке он вертикально удерживал копьё с большим флагом. С правого бока лошади висело специальное снаряжение, куда всадник вставил конец древка. На оранжевом штандарте был изображен стоящий лев с мечом.

Следом ехал красивый юноша в серебристых доспехах. С его плеч на корпус лошади спускался темный с отливом плащ.

Глаза женщины задержались на молодом приятном лице всадника. Юноша почувствовал взгляд и несколько секунд пристально рассматривал пожилую учительницу, пока проезжал мимо ее дома. Потом обернулся к группе всадников, которые следовали за ним. Все они

повернули свои головы в блестящих шлемах и так же пристально уставились на фрау Кофф. Один из мужчин с толстым торсом что-то сказал и, подняв от пояса руку, невежливо указал на учительницу пальцем.

Фрау Инге стало не по себе от такой грубой развязности, и она, повернувшись к заигравшимся аниматорам спиной, с достоинством, как ей самой хотелось думать, поднялась по ступеням крыльца.

— Клянусь своим мечом, у нее и вправду синие волосы, — сказал полковник Эррум. — Это вообще люди, как вы думаете? — Он обернулся к чародею, который коротко взглянул на голубые кудряшки женщины. — Или это местная ведьма? Никогда не видел женщин с таким цветом волос. Прекрасный вышел бы плюмаж на мой шлем. — Он громко захохотал своей шутке, держась свободной рукой за блестящий бок.

— Женщины бывают очень изобретательны, чтобы выделиться среди товарок, — сказал ординарец полковника, поправляя войлочный подшлемник. — Говорят, что в столице некоторые девицы совсем потеряли стыд и прикрывают спины тканью прозрачной, как рыбачьи сети. Сплошь — сверху донизу, так, что видна даже ложбинка там, внизу.

— Хороша девица, вепрь меня раздери! — поперхнулся полковник. — Да она же старше, чем... сестра моей матери!

«И страшна, как оруженосец Барриона», — добавил он про себя.

Офицеры ехали, переговариваясь и рассматривая зажиточные аккуратные дома. Очень странное это было селение. Не было слышно ни мычания скотины, ни ржания лошадей. По улицам не бегали привычные худоногие собаки, и в мусоре на обочине не копошились куры. Даже солдаты шли молча, с опаской и недоумением посматривая на большие, чисто вымытые окна. В них отражался уже целиком вылезший на широкую улицу отряд.

Полковник Эррум продолжил грубо шутить, но на душе у него было беспокойно. Он бы, может быть, и смирился бы с городом, возникшим ниоткуда. Но разве это правильный город? Никто их до сих пор не остановил окриком, не потребовал доложиться. Такие славные дома, словно откормленные овцы, и ни одного стражника для защиты от голодных волков. На въезде не было никакой, даже самой завалющейся заставы. Хотя бы пара разморенных жарой и ленью караульных. Конечно, они могли не заметить засадного отряда. Пусть уж лучше так, чем эта несуразица.

Полковник невзначай коснулся своего меча. Он почти желал, чтобы это обернулось ловушкой. Тогда бы это все объяснило. И то, что жителей почти не видно, и нет привычного гомона детворы. Он повернул голову и поискал глазами вражеских лазутчиков.

Чем дальше отряд продвигался, тем тревожнее становились лица солдат и их офицеров. В нескольких шагах от командиров по обочине шел молоденький капрал, нервно сжимая в руке меч, хотя строгий приказ был не обнажать оружия без команды.

Баррион почувствовал нарастающее напряжение, придержал лошадь и сказал, обращаясь сразу к полковнику и к ординарцу:

— Пусть офицеры еще раз пройдут вдоль колонны и напомнят, что это дружеское селение. Никакого насилия!

— Кто коснется хоть одной девки пальцем — отрежу все причиндалы! — пряча тревогу, рывкнул полковник в сторону солдат.

Ординарец развернул коня и медленно поехал вдоль продвигающейся колонны, давая указания офицерам.

Утес повернул к Фюргарту свое обезображенное лицо и угрюмо произнес:

— Нет, милорд. Что-то здесь не то. Посмотрите... — Он протянул руку в сторону отходящей влево улицы. — Нигде ни одного дымка над крышами. Даже очагом не пахнет. Улицы

словно выскоблены. Ни одной навозной кучи. Все неправильно. Нас даже собаки не облаивают. Это — непременно засада!

Фюргарт повел головой вдоль улицы. Лицо его не изменилось и не выказало никакого беспокойства, но оказалось, что слова оруженосца все же возымели эффект. Рыцарь поднял руку и дал знак командиру остановить отряд. По всей длине колонны волной прошелся шелест железа.

Баррион искал глазами чародея. Суток понял этот взгляд и, тронув свою лошадку, поспешил подъехать. Задумчивой тенью за юношей следовал Трентон.

— Проведем небольшой совет, — сказал Баррион полковнику и перевел вопросительный взгляд на чародея.

Юноша кивнул. Конечно, объясняться придется ему. Он секунду помолчал и стянул капюшон с головы. Подождал, когда все офицеры обратились на него.

— Повторю еще раз: эти люди — из мира, который тысячи лет жил по своим законам. Потому не нужно примерять к ним наши лекала. Смотрите на них, как смотрели бы на далеких чужеземцев, ведь тогда бы вы ожидали увидеть что-нибудь эдакое... Теперь мы с ними несхожи, может быть, больше чем с обитателями запретного леса. Так и должно быть. Но они все же люди.

— Раздери меня вепрь! Если все так, может, тогда они так же опасны, как береттеи или уруктаи? Они даже могут быть искусны в каком-нибудь страшном колдовстве! — воскликнул полковник Эррум.

— Или в том, что его им заменяет... Вы знаете, полковник, чтобы поймать рака, нужно сунуть руку в его нору. Мы передовой отряд, и нам придется это сделать. Разве не для этого мы здесь? — сказал чародей.

— Правильно, — сказал Утес, — нужно взять одного за шкуру и вытрясти все из него. Ничего страшного не случится, если какой-нибудь башмачник наложит в штаны. Вот, сэр, велите, я притащу вон того толстяка, что подстригает кусты, — обратился он к Фюргарту.

— Неплохо, — поспешил вставить Суток. — Но, может, мы просто найдем предлог и зайдем в любое из этих жилищ. Сразу многое станет понятно. Конечно, не стоит ломиться с обнаженными мечами и всей толпой. Иначе мы их просто напугаем.

Фюргарт посмотрел на угрожающую фигуру Утеса, перевел взгляд на красное раздосадованное лицо полковника.

— Хорошо, — сказал он ровным голосом, приняв решение. — И я это сделаю сам. Не будем пугать ветер в кустах. Суток, ты пойдешь со мной. Все останутся здесь и будут ждать. И вот что еще я хотел сказать: если кто-то забыл о своей рыцарской чести и находится в предвкушении настрогать немного бастардов в новом селении, пусть подберет свои слюни. Этого при мне не будет. Я хочу, чтобы это все хорошо уяснили. От офицера до последнего солдата.

Фюргарт решительно соскочил с коня и отдал повод оруженосцу, неодобрительно смотрящего сверху: рыцарь спешивается, чтобы поговорить с простолюдином? Это не укладывалось в голове. Сам он слезал с лошади только в крайнем случае, несмотря на то, что со своим ростом мог не бояться затеряться в толпе челяди.

Пока чародей неуверенно спускался с седла, Баррион передал Утесу серебристый шлем, а сам остался в кожаном подшлемнике, из-под которого выбивались темные волосы.

— В какую хижину пойдём? — спросил он чародея, когда тот очутился обеими ногами на твердой почве.

Суток повернул голову и показал на ближайшее к ним строение, во дворе которого была видна фигура мужчины, погруженного в какое-то занятие.

— Вот в эту, с флагом у крыльца.

Рыцарь и юноша, стараясь не спешить, направились к двухэтажному дому красного кирпича. Чародей засунул руку за пазуху и извлек небольшой амулет на цепочке в виде янтарного диска.

Баррион вопросительно посмотрел на юношу.

— Ты все же опасаясь. Это какая-то особая защита?

— «Глаз Мериота», — пояснил Суток. — Мы привыкли, что все расы хоть как-то понимают общий язык. Так и должно быть. Это в крови у разумных. Но эти люди слишком долго жили в отдельном мире. Может быть, понадобится инициация.

— А потом они смогут понимать нас?

— Так это должно работать.

Они подошли к крашеному деревянному палисаду, едва достающему им до пояса, и остановились возле такой же невысокой калитки.

— Хозяин! — громко позвал Суток.

Из сарайчика во дворе вышел весьма упитанный мужчина в синих парусиновых штанах и легкой рубашке без рукавов. Он протирал руки куском материи с резким запахом.

При виде гостей он вначале недоуменно уставился на них, но затем, что-то сообразив, медленно пошел навстречу, продолжая мять в руках тряпку. Его непокрытую, коротко стриженую голову украшала большая лысина. Со лба на толстые щеки текли капли пота, которые он стряхивал тыльной стороной руки. Мужчина приближался без опаски, с откровенным любопытством рассматривая гостей. Особенно — Фюргарта.

Выйдя со двора, он увидел на улице колонну из двух сотен одетых в кожу и металл людей и удивленно покрутил головой.

— Сколько же вас! На чем это вас привезли? — спросил он со странным выговором.

— Мы сами приехали, — ответил Суток, глянув на молчащего рыцаря. — Нам бы воды испить, хозяин. Будь добр.

Мужчина поколебался секунду под пристальным взглядом Фюргарта и открыл калитку.

— Ну, заходите. У нас, правда, с утра нет света — на линии, видимо, что-то случилось, но у меня накопитель на полкуба. — Он повернулся и пошел к крыльцу.

— Где нет света? — переспросил Баррион.

Фюргарт поднимался по ступенькам, рассматривая коронованную голову быка в центре трехцветного флага, и не смог сдержать удивления, услышав подобную несурязицу. Утро было пронзительно ясным и на небе — ни облачка.

— Да в районе, а может, и во всем Пархиме, — ответил недовольно мужчина, открывая дверь в дом. — Собрались праздник проводить, инаугурацию.Guestы вон назвали, — он, обернувшись, кивнул на них, — а в городе полный бардак. Электричества нет, телефон не работает, с мобильными — вообще, как умерли...

Баррион на этот раз счел за лучшее промолчать. Они зашли за хозяином в дом и остановились, озираясь.

— Все эти неприятности после сегодняшней ночи случились? — спросил Суток.

— Да. Не припомню такого. Все коммуникации отказали. Газ вот пока есть. Хорошо, что на магистральный в свое время не перешли.

Гости почти ничего не поняли из этих слов и молча осматривали устройство хижины.

Прямо перед ними была лестница на второй этаж. Справа — большая комната с диванами и столиком между ними. В кресле сидела маленькая насупленная девочка с мокрыми глазами. Она повернула голову и, задержав на секунду взгляд на фиолетовых глазах рыцаря, упрямо отвернулась. Комната была очень опрятная. На стенах висели изящные портреты, выполненные с удивительным мастерством. Видимо, все члены семьи. Над маленьким камином помещался отполированный до блеска большой прямоугольник черного зеркала. На взгляд Барриона, выглядел он зловеще.

— Вот видите, дети уже без гаджетов дня прожить не могут, — опять непонятно сказал мужчина и пошел в помещение слева от лестницы.

Гости следили за ним от двери.

Хозяин подошел к ряду висящих над столом шкафчиков и достал две кружки в цветной глазури. Очень искусной работы. Подставил одну под блестящий краник и привычно набрал воды. Мужчины внимательно следили за его действиями.

Суток шагнул вперед и принял протянутую ему кружку воды. Он сделал глоток и посмотрел на ожидающего рыцаря. Тот последовал его примеру и, отпив из своей кружки, стал осматривать помещение.

Комната напоминала Барриону трапезную, но только очень маленькую. В центре находился деревянный стол и придвинутые к нему шесть стульев. На непривычно больших окнах висели чистенькие занавески. Он искал глазами очаг, но ничего подобного не находил. Фюргарт отметил хороший каменный пол квадратиками, чисто выметенный. Все непривычно, но никакой опасности не чувствовалось. Мужчина не побоялся ввести незнакомцев в дом с ребенком; не задумываясь, поворачивается к ним спиной. Нет, ловушкой здесь не пахнет. Он допил воду и протянул назад кружку.

— Благодарю тебя. Скажи, добрый человек, чья инаугурация будет сегодня?

— Новый бургомистр сегодня вступает в должность, — охотно ответил мужчина, разглядывая доспехи Фюргарта. — Бремер. Приурочили ко дню города. Правильно, на мой взгляд. Дешевле обойдется.

Барриону показалось, что хозяин едва удерживается, чтобы не дотронуться рукой до его меча. Он не сводил глаз с позолоченного эфеса.

Фюргарт промолчал, опасаясь сказать что-нибудь невпопад, и посмотрел на чародея. Юноша тоже протянул кружку и поклоном поблагодарил.

— Мы, наверное, немного сбились. Ты не укажешь нам путь... на торжества.

— А... понятно, неудобно без навигатора. Правда? Но вы правильно идете. Вот сейчас после озера перекресток будет. Там направо, и будет мост у шлюза. Через Эльде не переходите — это к вокзалу. Просто идите по набережной — к центру и выйдете. Ну, там уже спросите.

Фюргарт и чародей вышли на крылечко и спустились к калитке. Группа всадников ожидающе смотрела в их сторону. Утес на своем черном коне нервно гарцевал недалеко за заборчиком.

— Мост, — сказал чародей Фюргарту. — Город на обеих сторонах Эльды. Даже на запретном берегу.

— Да. Я понял. Но инаугурация будет вроде на этой стороне.

— Друзья, — они обернулись на голос сзади, — возьмите вот бутылочку воды с собой. Одежка на вас, конечно, забавная, но тяжело, наверное, по такой погоде.

Хозяин дома протягивал им узкую полупрозрачную бутылку.

Они подошли к нетерпеливо ожидавшим всадникам. Баррион привычно вскочил в седло и хмурил брови в раздумьях, пока Суток неловко вставлял ногу в стремя и, схватившись обеими руками за седло, вытягивал себя на лошадь.

Фюргарт вопросительно посмотрел на своего ухмыляющегося слугу, и тот, поспешно подскочив, подставил чародею руки под колено.

— Это просто люди, — ответил, наконец, рыцарь на молчаливый вопрос офицеров. — И мы очень вовремя. Нас воспринимают как гостей на торжества.

Полковник хмуро пожевал усы, поднял руку, и колонна тронулась с места.

— Станный у них флаг, — сказал Баррион чародею. — Коронованный бык.

— Или бык... с золотыми рожками косули, — добавил Суток. — Но да, корона это очень важно.

Хозяин дома стоял на крыльце и провожал глазами людей в запыленных кожаных доспехах. Люди шли молча, словно выполняли тяжелую, но привычную работу. За последними воинами двигались деревянные повозки. Иссиня-черные волосы тянули шеи в ярме. Мужчина вздохнул, думая о том, сколько бездельников развелось в их стране, и пошел во двор разбираться с генератором.

Слева, за рядом почти одинаковых домов, всадники видели гладь довольно большого озера с белой посудиною посередине. Полковник хмуро смотрел на это очередное подтверждение слов чародея. Было видно, что сэра Эррум никак не мог смириться с такими взбрыкиваниями в их землях. Вправо от главной дороги отходили небольшие улочки. Баррион, проезжая, бросал вдоль них взгляд, пытаясь представить жизнь в этом странном селении. Кое-где люди все же показывались. Вот на перекресток вышли двое детей: мальчик и девочка. Светловолосые, они смотрели на проходящих солдат. Мальчик указывал рукой на оружие и что-то объяснял младшей девочке. Она держала в руках крохотную собачонку.

Баррион посмотрел на чародея, неотступно сопровождаемого оруженосцем отца, сэром Трентоном. С тех пор, как он узнал, что Суток прибыл из столицы, Фюргарта не оставляла мысль навести у юноши справки о судьбе одной особы...

Около двух лет назад — тогда еще был в разгаре Муравный год, Баррион поехал в Эдинси-Орт. Это была его первая самостоятельная поездка в столицу. Когда сестра Альда выходила замуж за принца Вильгельта, Барриону было только шесть, и тогда он еще себя не вполне осознавал.

Баррион с трудом добился позволения матушки на дальнейшее путешествие. Она тогда словно что-то предчувствовала... Отец-то был давно непротив. Младший брат королевы — что же сидеть дома сиднем. Ярл Дерик не видел ничего плохого, если младший сын присмотрится к тамошней жизни. Может быть, заведет какие знакомства. Доля младших сыновей — или искать счастья на стороне, или всю жизнь выполнять волю отца, а затем и старшего брата. Быть их знаменосцем. Но Баррион руководствовался не этим. Хотя он и не мог для себя вполне определенно назвать причину, по которой ехал. Да и зачем? Ему было восемнадцать. Стояли весенние года цикла, и сам он был юн. Это повторится только через двенадцать лет, и тогда он будет совсем зрелым мужчиной. Дорога и ветер в вересковых холмах звали в путь, и зачем было сопротивляться.

Мать все-таки сдалась и, взяв обещание, что сын вернется домой с наступлением Червонного года, отправила венценосной дочери несколько птиц. Одна птица не смогла бы унести все наставления леди Стионы, перепоручающей судьбу младшенького.

В Эдинси-Орте в распоряжение Барриона выделили охотничий флигель в королевском парке. Но это не была какая-нибудь деревянная сторожка. Винны использовали этот небольшой замок для неформальных мероприятий. Даже слуги Фюргарта устроились с большим удобством. Многие сквайры из дальних предгорий могли только воображать такой комфорт.

Был устроен прием, как он понимал — в его честь. Но все здесь делалось не так, как дома. В Капертауме поставили бы в большом холле длинные столы на козлах. Насыпали бы на пол чистого речного песка. И по случаю большого веселья за столами сидели бы все приближенные ярла вплоть до главного конюха. Лендлорд не упускал случая увидеть своих людей в непринужденной обстановке. Развязываются языки, и выплескивается все, чем люди дышат каждый день. Да и дружеские попойки связывают людей, даже если иногда в подпитии и случаются стычки между ними. Нельзя ведь просто раз в луну выдать людям серебра и быть уверенным, что они всегда будут готовы пролить кровь за своего господина. Даже в городской посад к дому старосты в такие дни посылали две бочки доброго эля.

А здесь... зал приемов королевского замка поражал воображение: белоснежный мраморный пол, на котором ребристые колонны двумя рядами поддерживают высокий потолок. В цен-

тре золотым кольцом свисает люстра, усеянная огнями. Сотни гостей и сотни слуг. Шарканье туфель и шелест одежд...

Фюргарт знал, что на него будет устремлено множество любопытных глаз и рассеяно смотрел перед собой, ни на чем не задерживая взгляда, слегка улыбался и старался не крутить головой.

Королевский стол, за который посадили и Барриона, стоял на отдельном подиуме в особом алькове. После торжественной части, когда Фюргарта представил собравшимся сам король, юноша уже был готов расслабиться и искал глазами, в какое же блюдо ему впитаться. Но начались танцы. Или как у них это называется — бал. По просьбе сестры он был вынужден вставать из-за стола и приглашать очередную девицу. Их имена и титулы никак не задерживались в опухшей голове. Музыка была очень громкая и какая-то чересчур звонкая.

Запомнилась только одна полненькая веселая барышня, которая уверенно управляла рисунком их танца и, посмеиваясь, прятала белые зубки за ярким веером. Девица пообещала, что обязательно приснится ему, и спросила, какие у него будут на этот счет пожелания. Он слышал еще дома, как этот прием использовал подвыпивший сквайр, флиртующий с белошвейкой. В ответ Баррион не нашелся, что сказать, и сделал вид, будто в шуме не расслышал вопроса.

После бала последовала череда королевских вечеров. Какие-то сановники вели с Баррионом беседы, суть которых он не улавливал и даже не пытался. Гости передавали из рук в руки так, что очень скоро он почувствовал себя словно учебным мечом, захватанным сотней разных рук. К счастью, он догадался сказать, что приболел, и его, наконец, на время оставили в покое.

Через одну неполную луну сестра пришла к нему во флигель и, смеясь, уличила в неумелом симулировании. Он взмолился о пощаде.

— Милый братик, я очень хорошо понимаю тебя, — сказала королева. — Чтобы выдержать светскую жизнь на Королевском холме, нужно иметь особое призвание и способности. Поэтому я поселила тебя на краю парка, где вот там — я покажу, есть калиточка. О ней мне рассказал мой милый муж, когда мы только обручились. Через нее можно сбегать в город или, если тебе угодно более, в Заветный лес на охоту. Я пришлю к тебе сокольничего, и ты уж сам разберешься. — Она, смеясь, ухватила его за ухо. — Только обещай, что ты не влипнешь в какую-нибудь историю. Не носи, по крайней мере, никаких вепрей на одежде.

— Зачем мне ваши вепри, — отмахнулся Баррион. — Чем плох наш красный лев? Я знаю, что сейчас из наших земель здесь полно искателей удачи, рыцарей. И лев, наверное, нередко мелькает на улицах. Никто не обратит внимания еще на одного.

— Это столица, братик. Здесь все марки — на застежках и львы, и медведи, и вороны с орлами. — Она смотрела на него искрящимися синими глазами. — Скажи мне, Баррион, что ты ищешь в Эдинси-Орте?

Он пожал плечами. «Если бы я знал...»

Самая западная точка, где смог Баррион побывать, войдя в возраст сознания, был пограничный город Первый Уступ. Сэр Реин, лорд этой окраины, больше известный по прозвищу Медведь, был вассалом его отца. Он женил своего сына и послал письмо вежливости с приглашением. Ярл считал полезным брать в поездки по подвластным землям подрастающих сыновей. Львят нужно было натаскивать с детства. Как натаскивали его самого.

Эльгер тогда недавно женился, и отец оставил его вместо себя в Капертауме. Нужно было показать своего младшего. Пусть гордые медведи увидят фиолетовые глаза мальчика, унаследованные от основательницы рода Эдин. Это хорошо. Нужно напоминать людям, что ими правит дом настоящих Урбантингов — от первого Фюргарта, старшего сына Урбанта.

Тогда из высокой сторожевой башни медвежьей твердыни Баррион пытался увидеть королевскую марку за рекой и столицу. Но отец, посмеявшись, сказал, что это старая шутка, и

Эдинси-Орт на расстоянии нескольких лун пути. А марка — вот она — сразу за мостом. Вот тот верстовой столб с вепрем — уже королевский. Здесь земли их дома заканчиваются.

— Может быть, я хотел увидеть, что в мире есть что-то еще, кроме Овечьих Холмов, вересковых горных пустошей и лесных дебрей за Запретными курганами, — ответил Баррион.

— Например, Северное море? — спросила вдруг с непонятной грустью сестра.

— Например, Северное море, — согласился он.

Тем же днем пришел королевский сокольничий Ольд Исхор. Он вежливо осведомился о познаниях гостя в охоте с хищной птицей, удовлетворенно покивал и перепоручил Фюргарта двум своим сыновьям. Один был чуть младше Барриона, другой — его ровесником.

Баррион коротко сошелся с ними обоими, особенно со старшим — Эллом.

Вместе с братьями Исхорами юный Фюргарт открыл для себя настоящий Эдинси-Орт. Тот, который лежал у подножия Королевского холма. Тысячи людей жили в устье Эльды, впадающей широкой дельтой в залив Урбанта. День и ночь кипела жизнь в королевском порту. Десятки судов с разными флагами стояли на рейде. Люди со всеми оттенками кожи сновали по набережной и улочкам, сбегаящим в гавань.

Элл и Эст были отчаянными повесами и знали все самые замечательные места столицы. Они провели Фюргарта в игорные дома, и он увидел, как за ночь проигрываются состояния. В сияющих огнями музыкальных домах он видел девиц со всех марок Восточного Предела и темнокожих южанок из-за перешейка Гигантов. В портовых тавернах друзья посещали петушиные и собачьи бои. А в квартале ломовых видели схватку грузчиков за денежный приз. Обнаженные по пояс бойцы кружили в свете факела, сжимая в руках рыбацкие ножи. Ценой жизни одного из них было всего два форинта.

Утомленные очередным ночным рейдом юноши отдыхали в тавернах, положив гудящие ноги на бочки из-под рома, и внимали рассказам о землях, лежащих далеко на западе, где встретить человека было такой же редкостью, как у нас полурослика. Мир был бесконечно велик, и Эдинси-Орт был дверью, открывающей вход в этот мир, как тайная калитка возле флигеля открывала проход в мир соблазнов столицы.

И Фюргарт стал привычно пользоваться заветной дверцей в королевском парке. Стражники доброжелательно ухмылялись, когда Баррион возвращался с рассветом в свой флигель. Иногда, чтобы добраться до своей норы, он не мог обойтись без помощи слуги или верного Элла.

Деньги, полученные от отца при отъезде в столицу, давно закончились. Иссякли и те золотые, которые мать втайне от супруга вложила в кармашек его камзола. И вот как-то при встрече с сестрой молодой Фюргарт был вынужден начать неприятный разговор. Но сестра сразу все поняла, смеясь, прервала его неуклюжее бормотание и стала посылать ему раз в луну кошелек черного бархата со своими инициалами на вензеле. Хорошо, что королева была осмотрительна, и кошелек был скорее пуст, чем полон.

Однажды в ночь безумного школяра Фюргарт с сыновьями королевского сокольничего был остановлен шумной группой гуляющих студентов, которые потребовали, чтобы достойные лорды выпили во славу цеха корабелов. «Достопочтимые» охотно завопили «ура!» и продолжили ночь с бузящими студентами.

В эту ночь школярам не возбранялось гулять в свое удовольствие. Стражники старались к ним не цепляться и закрывали глаза на мелкие шалости. Поэтому горожане крепко запирали окна и двери и смотрели за своими дочерьми.

Даже уже закаленному ночной жизнью Фюргарту в этот раз пришлось нелегко. Пасмурным утром сонный Баррион шел по узкой портовой улочке, пытаясь сориентироваться и найти верное направление к королевскому парку. Он где-то разминулсЯ минувшей ночью с братьями Исхорами. Плащ его был помят и забрызган проехавшей каретой. Голова неприятно гудела, словно улей с сердитыми пчелами. Поскользнувшись на свежем навозе, он остановился очич-

стить сапог о каменный желоб водостока. Его тяжелый взгляд упал на вывеску аптекаря — змея, обвивающая чашу. Баррион с надеждой подумал о кружке горячего шоколада и поднялся по каменной лестнице. Над головой противно тренькнул злой колокольчик.

Фюргарт зашел в небольшое помещение лавки. Аптека была пуста. Сквозь небольшое витражное стекло падал приглушенный свет. Возле высокого дубового прилавка стоял тяжелый табурет, за ним — стеллажи, наполненные склянками с разноцветными жидкостями. Пахло полынью и чем-то сладким.

Баррион взобрался на табурет и облегченно сомкнул тяжелые веки. Он сразу стал проваливаться в сон, но, вздрогнув, открыл глаза и сердито потянулся к латунному звоночку на прилавке. Несколько раз он нетерпеливо нажал на большую кнопку. Из-за прилавка вдруг показалась девичья головка с гладко стянутыми на затылке волосами. Девушка растерянно смотрела на посетителя, поднимаясь с низенького стульчика, в руках она держала солидный фолиант в сафьяновой обложке.

— Простите, — сказала она дрожащим голосом, — я, наверное, опять зачиталась. Вы давно здесь сидите?

Досада Барриона при виде полудетских губ и озадаченной складочки между бровей тут же улетучилась.

— С вечера, — пошутил он, невольно улыбаясь испугу девушки.

В ответ на его слова она тоже облегченно улыбнулась и спрятала книгу под прилавок.

— Вы хотели что-то? — спросила она Фюргарта. — Дядя в отъезде, я смогу только принять заказ...

— Горячий шоколад вы мне сможете смастерить?

— Это я могу, — радостно согласилась девушка. Она посмотрела в его усталое лицо и понимающе кивнула. — Ночь школяра. Тяжело пришлось?

Она легкими шагами подошла к стеллажу и пробежала руками по ящичкам, доставая нужные ингредиенты. Баррион смотрел на ее точные, мягкие движения. Как она зажигает горелку, наливает воду медным ковшиком из ведра. Сыпет темный порошок в джезву.

— Что же это за ремесло, которому вы обучаетесь? — спросила девушка и бросила на него быстрый взгляд, пока ее руки ловко занимались приготовлением напитка.

— А вы угадajte.

— Она оценивающе посмотрела на него. Пробежала серыми глазами по грязной, но изысканной одежде. Ступила чуть ближе и задержала взгляд на дорогих яловых сапогах.

— Да я вижу, что вы не мастеровой, пожалуй. Только если ювелир. Нет? Не угадала? Ну, тогда вы будущий зодчий! — просияла она.

Баррион не ответил, с улыбкой глядя в ее лицо своими фиолетовыми глазами.

Девушка смутилась под его пытливым взглядом и наклонилась над закипающим шоколадом.

— А что это за книга, в которую вы погрузились так глубоко? — спросил он.

— Это записки баронета Ренно. О путешествии через перешеек Гигантов. — Она поправила выбившуюся прядь волос, не поднимая глаз от сосуда на огне.

— Действительно интересная книга, — сказал Баррион, — только я думаю, что он там много насочинял, если только не все.

Ему хотелось, чтобы девушка опять посмотрела на него, но она была очень занята изготовлением напитка и слегка хмурила брови, помешивая ложечкой в медной емкости.

— Да, вы, может быть, и правы. Но это такой стиль... это не книга познаний. Скорее особая игра со словами, как поэзия древних, — объяснила она, извлекая из пакетика зернышко кориандра и окуная его на несколько мгновений в напиток.

— Вот. — Она перелила темную густую жидкость в глиняную кружечку и поставила перед ним на стойку. — Теперь вы можете восстановить ваши силы перед занятиями.

Девушка упорно продолжала избегать его взгляда.

— А как вас зовут, милая барышня? — спросил Баррион, делая скупой глоток. Он не хотел теперь спешить.

Она все-таки взглянула на него быстрым взглядом и, поколебавшись, произнесла:

— Марта.

— Марта, — повторил он, прислушиваясь к звуку имени. — Очень необычно. Никогда не слышал такого имени.

— А ваше имя? — спросила она, взяв в руки какую-то склянку со стеллажа.

— У меня как раз очень обычное имя — Баррион. Так звали многих предшественников в моем роду, и может быть, вы знаете, что самым известным Баррионом в Восточном Пределе был Баррион Окаянный. Но вы не думайте, вместе с именем я не обязательно унаследовал все кровожадные черты его носителей.

Она кивнула и, явно не зная, что делать с баночкой в руке, поставила ее на подоконник.

За спиной звякнул колокольчик, и Баррион с сожалением поставил пустую кружечку на прилавок.

— Сколько я должен за спасение? — спросил он и покосился на входившую фигуру старика в шелковом зеленом плаще и жабо.

— Один серций или семь либр, — ответила девушка и торопливо продолжила, когда он полез в кармашек за монетами. — Но если сейчас вы не при деньгах, вы можете занести их позже. Я обычно всегда здесь по вечерам...

Она добавила это, коротко взглянув Барриону в глаза и краснея ушами.

На следующий день, когда солнце упало в залив Урбанта, Баррион в чистом, но скромном платье был на кривой Аптекарьской улочке с новеньким серцием в руке.

Жизнь Фюргарта в столице пошла совсем по другой колее. Он стал неохотно выбираться на ночные приключения с братьями Исхорами и теперь чаще требовал от них сопровождения на соколиную охоту в Заповедный лес. Особенно по утрам.

Вечера он приберегал для посещения аптеки в Школярном квартале.

Марта оказалась очень начитанной девушкой, и пока она была занята в лавке, им было о чем поговорить. А позже Марта открыла ему существование в Эдинси-Орте маленького театра, в котором ставили постановки не только по драмам Золотого века, но и дерзко исполняли пьесы новых неизвестных в высшем свете авторов. Отсутствие богатого реквизита и декораций с лихвой компенсировалось страстью и преданностью лицедейству.

Маленький зал тонул в полутьме, и на узкой сцене, подсвеченной закопченными лампами, перед юношей и девушкой открывался совсем другой мир. Мир страстей, неожиданных убеждений и странных вопросов...

Все перевернулось в один миг, когда Баррион после визита к сестре в рассеянности забыл переменить платье и появился в аптеке в изящном реиндольском камзоле.

Радостные глаза Марты скользнули по фигуре юноши и загнулись на золотом льве, стягивающем концы его плаща. Улыбка медленно поблекла на ее губах, и она обратила свои серые глаза на посетительницу.

Деревенская женщина принесла на продажу корень электрума. Она бережно развернула на прилавке сосновую кору и отогнула артритным пальцем мох. На его зеленой подушке были уложены четыре тонких золотистых корешка.

— Лучший товар, — проговорила она, заискивающе заглядывая в глаза девушке. — Собирала собственноручно на этой луне до восхода солнца.

Марта бережно переложила корешки в чашечку весов и уравнивала их, положив на другую динарий, а затем один за другим четыре серция. Фюргарт заметил, что ее тонкие пальцы нервно подрагивают, и прикусил нижнюю губу.

— Но этого мало, — не согласилась торговка. — В этом цикле это последний урожай. Теперь только через двенадцать лет...

— Подождите. Я позову дядю, — сказала Марта и быстро вышла в резную дверцу между стеллажами.

Через короткое время вернулся пожилой аптекарь с согнутым к губе носом и занялся торговлей с женщиной. Он внимательно посмотрел на Фюргарта, словно видел его впервые, и учтиво поклонился. В итоге он доложил на весы еще два серция. Торговка не уступала и хотела два целых динария.

Марта не возвращалась. Фюргарт растерянно ходил по скрипучим полам и чувствовал, что совершил ошибку. Не сейчас, когда забыл сменить придворное платье, а раньше, когда позволил думать девушке, что он простой школяр.

— Чего изволите, высокородный лорд, — спросил аптекарь, разобравшись с торговкой и спрятав снадобье в один из ящичков. Он держал над раскрытым гроссбухом перо и старательно выводил буквы, не глядя на Барриона.

Баррион остановился и не нашелся, что сказать. Раньше старик благосклонно относился к его появлениям и со временем совсем перестал волноваться из-за поздних возвращений племянницы. Сейчас он разговаривал с ним неприятным голосом лавочника. Фюргарт шагнул к прилавку и завис над склоненной плешивой головой старика.

— Мне угодно горячего шоколада, — наконец громко сказал он.

— Простите, не держим для продажи, — искренне ответил аптекарь, блеснув стеклышками очков.

Баррион удивленно воззрился на него, резко развернулся и решительным шагом вышел из лавки. Колокольчик взвыл над дверью, когда он сердито спускался по ступеням.

Вернувшись к себе, он немедленно велел слуге взять походный плащ и, прихватив арбалет, пошел вдоль Эльды в Заповедный лес. Накапывал дождь, и по небу со стороны моря неслись лиловые облака. Не поднимая глаз, Баррион шел по желтому песку дорожки и безжалостно наступал на ладони листьев, которые усиливающийся ветер бросал ему под ноги. Слуга, парнишка четырнадцати лет, брел сзади, с испугом озирая грозное небо.

Быстрым шагом, не замечая усталости, Баррион прошагал не менее двух лиг, все дальше и дальше углубляясь в нетронутый лес. Птицы и животные попрятались из-за непогоды, но на свою беду одна косуля все же попалась юноше на глаза, выйдя доверчиво из-за столетнего бука. Он вскинул руку с арбалетом и, не целясь, послал стрелу. Животное в короткой агонии засушило передними ногами. Тяжелый ясенеый болт пробил шею и пригвоздил косулю к дереву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.